Незнакомка с родинкой на щеке

Автор:
Анастасия Логинова

Незнакомка с родинкой на щеке

Анастасия Логинова

Детективъ минувших лет

Незнакомка с лицом, укрытым вуалью, появилась на пороге внезапно, из ниоткуда. Внесла сумятицу в размеренную жизнь молодоженов Ильицких, перевернула все с ног на голову и – столь же внезапно исчезла. А загадки, с нею связанные, остались. Разве может юная, скучающая и не в меру любопытная Лидия Ильицкая оставить загадки нерешенными? Не может. Но у нее еще будет время пожалеть о своем любопытстве.

Анастасия Логинова

Незнакомка с родинкой на щеке

© А. Логинова, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Пролог

1885 год, Российская империя, Санкт-Петербург

Я никогда не думала, что голова может болеть даже во сне. Помню, после первого допроса мне стало дурно, повело в сторону и… должно быть, я все-таки упала, потеряв сознание. Впрочем, боль была несильной, тупой – с нею я давно сумела свыкнуться. Меня разбудило другое. Кто-то настойчиво отбирал у меня то, на что я положила голову. Я слабо отмахнулась – не помогло. Тогда пришлось открыть глаза.

Надо мною склонилось красное и опухшее, как это бывает у сильно пьющих людей, лицо незнакомой женщины. Ну, наверное, женщины, поскольку губы были ярко накрашены – незнакомка пыталась выдернуть из-под моей головы мою же меховую накидку. Бархатную, отороченную соболем накидку, которую совсем еще недавно Женя заботливо надевал на мои плечи. Я не успела ни подумать, ни испугаться – резко выбросила руку, перехватив ее запястье. И сжала, добившись, чтобы она отпустила мех. Отыскала заплывшие глаза:

– Пошла вон, – прозвучало гораздо грубее, чем я рассчитывала.

– Вякать будешь, подстилка фраерская? – осклабилась в ответ девка.

Я едва успела отшатнуться, чтобы желтые ногти не разодрали мне щеку. Дернула захваченную кисть, провернув в суставе. Надавила на локоть, выворачивая руку так, что девка взвыла. Точь-в-точь как обещал Женя.

Правда, он не предупредил, какой водопад obscenitesen russe[1 - Русская ненормативная лексика (фр.). Здесь и далее прим. автора.] обрушится на меня вместе с воем. Я-то прежде думала, что это наша мадам в Смольном сквернословит неподобающим женщине образом. И только тогда растерялась.

– Фимка, кончай голосить, – шикнула откуда-то вторая, которую я еще не видела.

– А чего она дерется! – заскулила Фимка. Но когда я чуть ослабила хватку, с готовностью метнулась к стене, растирая запястье. – Сучка бешеная. Я те покажу еще…

– Умолкни, тебе сказано! – Вторая уже повысила голос, и Фимка обиженно заткнулась.

А я только теперь осмотрелась. Это была тюремная камера – никогда не бывала в них прежде, но в месте своего пребывания не сомневалась. Узкая, с обшарпанными каменными стенами и тусклым зарешеченным окном под самым потолком. Кроме меня, еще три женщины, все как одна пропитые и хмуро на меня глядящие. Только теперь я испугалась по-настоящему. Захотелось сжаться в комок, забиться в самый дальний угол и расплакаться от жалости к себе. Но я сидела не шелохнувшись, потому как понимала – стоит лишь показать им слабину…

И меня мутило все сильнее с каждой минутой, а шум в голове и не думал угасать.

Одна из женщин – та, что приструнила Фимку, – подсела ближе, с жадностью меня рассматривая. Она была пожилой, с грязными неприбранными волосами и колючим, проницательным взглядом. Я не верила, что заведу здесь подруг, так что мне хотелось и от нее держаться подальше.

– Тебя за что сюда, красавица? – спросила наконец она. И сама же предположила: – Говорят, девку какую-то пристрелила за то, что она с супружником твоим куролесила. Правда аль нет?

Я метнула на нее резкий взгляд:

– Кто так говорит?

– Да так… люди. – Она улыбнулась, глядя на меня еще въедливей.

А я еще более убедилась, что доверять в подобном месте нельзя никому. Тем же, кто в друзья набивается, – прежде всего. Ответила я ей, впрочем, вполне дружелюбно:

– Лгут те люди, бабушка. Ошибка это. Обознались.

Она цокнула языком и развеселилась:

– Хых, у нас все так говорят. Звать-то тебя как?

– Положим, что Марусей, – ответила я, давая понять, что мне все равно, поверит она или нет.

Старуха ухмыльнулась. Похоже было, что имя мое она прекрасно знала и так.

– Гордая ты шибко, – сказала она, буравя меня взглядом. – И норовистая. Кича[2 - Зона, тюрьма (жарг.).] таких не любит… Маруся.

Но хоть отцепилась, и то слава богу.

А я еще раз хмуро оглядела камеру. Разговор наш, безусловно, слышали, и я подумала, что, может, и неплохо, ежели эти благородные девы теперь знают, что я вполне способна кого-то застрелить.

О них я решила более не думать. Руками, без зеркала, нащупала, что творится с моими волосами, и принялась торопливо переплетать их в косу. Когда Женя придет за мною, я должна выглядеть хоть сколько-нибудь прилично.

Я знала, что он придет еще не скоро.

И догадывалась, что он даже не подозревает о том, где я нынче.

Да что там – я и сама понятия не имела, где мой муж.

Но знала, что он не оставит меня ни за что на свете. Не оставит, даже когда ему доложат обо всем, что я натворила…

Глава первая

Несколькими неделями ранее

Самые счастливые дни имеют обыкновение пролетать, как один вздох – коротко и невнятно. После не можешь вспомнить ничего примечательного, только ощущение абсолютного, бесконечного счастья, в котором хотелось задержаться,

зажмурившись и перестав дышать, – лишь бы его не спугнуть. Таким было для меня лето 1885 года, когда я только-только вышла замуж и стала вдруг величаться мадам Ильицкой.

Мы с мужем наняли дом в деревне под Тихвином и намеревались провести медовый месяц, наслаждаясь обществом друг друга. Даже с ближайшими соседями не спешили сводить знакомство, предпочтя веселым вечерам покой и безмятежность. Не тут-то было. Не прошло и трех недель, как нагрянула, «соскучившись за сыночкой», маман моего супруга. Судя по количеству багажа, пробыть здесь маман намеревалась куда дольше нас. Тогда мы с Ильицким поссорились впервые за долгое время, потому как адрес – на всякий случай – оставила ей именно я. Одно хорошо: комнат в доме было достаточно, а мирились мы теперь скоро.

Лето было испорчено? Еще не вполне. Вслед за маман, будто на запятках у нее ехали, прибыли Орловы. Да-да, всей семьей. Включая Натали, мою дорогую подругу по Смольному и кузину Ильицкого, ее мужа князя Михаила Александровича, малолетнего Митеньку, двух нянек, трех горничных и повариху.

В конце сентября Натали должна была разрешиться от бремени, но сие обстоятельство ничуть не смирило ее пыл. Первым делом моя подруга заявила, что я стала «такой же букой, как Женечка», и, дабы нас растормошить, ежевечерне приглашала в дом всех соседей, имевших неосторожность попасться ей на глаза.

Каждый божий день в доме стоял шум и гам из-за Митеньки, воспитание которого, увы, Натали совсем не интересовало. Глядя на это прелестное создание, мы с Женей как-то единогласно решили, что собственного захотим еще очень-очень не скоро.

А вечерами, ежели Натали не тащила всех куда-то из дому, у нас собиралась компания. Был чрезмерно сытный обед, бридж, папиросный дым коромыслом, песни под гитару и даже танцы иногда, ежели заводили фонограф. К ночи я валилась с ног от усталости. Но засыпала на плече мужа всегда с улыбкой.

Мы сердились на Натали, строили, запершись в спальне, планы мести и не понимали тогда, как были счастливы.

А потом лето кончилось, и нас принял Петербург с его студеным ветром и квартирой на Малой Морской, где должна была начаться настоящая, уже не медовая супружеская жизнь.

* * *

Каждое утро я вставала теперь чуть свет, чтобы сварить кофе (все не находила времени нанять кухарку), повязать мужу галстук и успеть поцеловать его до того, как он уйдет на службу. Женя окончательно поставил крест на военной карьере. Еще в декабре прошлого года он уволился из армии в звании капитана пехоты и вернулся в Николаевскую академию, которую так и не окончил в свое время. Зато теперь с блеском сдал выпускные экзамены экстерном. Я невероятно гордилась им тогда. Вообще-то мужчины нечасто поражают меня интеллектом, но Женя – совершенно особенный!

Имея приличный опыт участия в кампаниях на Балканах в последней Русско-турецкой войне, он некоторое время преподавал стратегию в академии, но все же решил распрощаться с военным прошлым вовсе. К немалому моему удивлению, Ильицкий поступил на историческое отделение историко-филологического факультета в Санкт-Петербургский университет.

Удивил он меня этим решением не на шутку. Историей Женя интересовался всегда – ох, какие горячие споры относительно некоторых событий прошлого бушевали меж нами когда-то! Но посвятить себя науке полностью… Впрочем, я млела от нежности, понимая, что он выбрал гражданскую специальность, чтобы обеспечить наше с ним будущее.

А чтобы хоть сколько-нибудь достойно жить в настоящем, на той же кафедре он вел какой-то факультатив, посвященный культуре балканских народов. Как-никак Ильицкий шесть лет в составе своей части был расквартирован в Кишиневе и, вероятно, студентам теперь многое мог рассказать. Потому, собственно, он и уходил из дому ровно в девять утра, а возвращался не раньше шести пополудни.

Закрывая за Женей дверь, всю предыдущую неделю я тотчас начинала готовиться к приходу рабочих, которые расставляли мебель в нашей новой квартире. Однако вчера последняя портьера была повешена, полы сверкали чистотой, и даже кружевные салфеточки уже красиво свисали с полок.

Остановившись посреди гостиной, я огляделась с чувством выполненного долга и некоторое время размышляла, чем же мне заняться теперь? Ах да, нужно подать объявление в газету о найме кухарки! Из прислуги в доме было всего двое. Катерина, невероятно ленивая девица, которая просила меня меньше шуметь по утрам, когда я варю мужу кофе. Здравый смысл уговаривал выгнать ее без выходного пособия, но всякий раз, когда мой взгляд падал на огромный бордовый шрам на ее шее, упреки застревали в горле… А кроме нее – Никита, деловой и обстоятельный мужчина лет сорока с небольшим, бывший еще денщиком у Ильицкого в армии, который и исполнял обязанности кухарки до сих пор. Коронным его блюдом (и единственным, впрочем) была курица, запеченная с апельсинами и гречей. Если в первые два дня такое меню казалось мне весьма изысканным, то спустя неделю я чувствовала, что еще немного – и сама закудахтаю. Потому нанять кухарку стало задачей номер один.

Для того я написала текст объявления о найме и вручила его Катюше, велев немедля пойти в ближайшую редакцию. А после только и успела подумать, чем бы теперь заняться, как услышала требовательный звонок в дверь.

– Не волнуйтесь, я открою! – поспешила я наперерез Никите, который замешкался в дверях кухни, пытаясь избавиться от фартука.

Часы в гостиной едва пробили десять, в такое время даже маман никогда не пришла бы с визитом. Должно быть, Катя что-то забыла, решила я отчего-то.

Но на пороге стояла дама в пурпурном платье для прогулки, в пестрой шляпке, приколотой к волосам и украшенной короткою вуалеткой. Дама была моего роста, возрастом чуть больше двадцати. Брюнетка, весьма недурная внешне. Родинка на левой щеке придавала ей то, что французы называют charm, но красные заплаканные глаза под дымчатой вуалью сводили все на нет – так что дама была просто недурна.

– Могу чем-то помочь? – поинтересовалась я.

– Можете, – смерив меня взглядом, отозвалась незнакомка. И без приглашения шагнула за порог, тотчас принимаясь стягивать перчатки и осматриваться в передней. – Хозяина вашего позовите.

Я даже растерялась и уточнила зачем-то:

– Евгения Ивановича?

– Его самого, милочка. Да не вздумайте лгать, будто его нет дома – настроена я весьма решительно, так ему и передайте!

Я тряхнула головой – что за балаган! Меня в жизни никто еще за прислугу не принимал, в каком бы я ни была наряде. Но голосом я своего раздражения постаралась не выдать – да и заплаканные глаза незнакомки подсказывали, что она слишком расстроена, оттого и ведет себя неучтиво.

– Должно быть, вы все же ошиблись, Евгения Ивановича определенно нет дома – заявляю вам это со всей ответственностью, потому как я не горничная здесь, а хозяйка.

Дама вскинула брови:

– Так он женат? – Теперь она осмотрела меня с любопытством. И усмехнулась: – Чудесно! Вы позволите мне убедиться, что он и впрямь не дома?

Не дождавшись ответа, она сделала еще шаг, желая протиснуться в гостиную, но я предупреждающе уперла руку в косяк двери.

– Нет, – ответила вежливо, но однозначно.

Незнакомка поджала губы, подумала недолго и полезла в ярко-алый велюровый ридикюль, истерически пытаясь в нем что-то найти.

– В таком случае передайте ему записку, будьте так любезны!

Пока искала, руки ее тряслись столь сильно, что содержимое ридикюля, предмет за предметом, падало на паркет. Надушенный кружевной платок, на уголке которого я угадала вышитую букву «Н», баночка с помадой, флакон духов, который я едва успела подхватить – не то разбился бы вдребезги и квартира пахла бы незнакомкой месяц как минимум. Когда я подняла, чтобы отдать, выпавшую тонкую книжицу, вроде документа, дама выхватила ее из моих рук с

такой прытью, будто это был чек на миллион рублей.

Карандаша, впрочем, она так и не отыскала. И дышала глубоко и часто, а под вуалеткой уже блестели дорожки новых слез. Я почувствовала острую жалость – бог знает, кто она такая, но по всему видно, что у нее и впрямь что-то приключилось. Быть может, Женя как раз сумеет помочь?

Я подала ей карандаш и блокнот, что лежали здесь же, на столике у зеркала, а она, неловко поблагодарив, принялась наскоро писать что-то.

«Да кто же она такая? – Я мучительно перебирала в уме варианты, один другого неприятней. – Хоть бы имя назвала».

И все же мне было ее жаль.

– Евгения Ивановича и правда нет дома, но я обещаю передать записку, едва увижу его. Вам нехорошо?

На участливый вопрос незнакомка не ответила, теперь торопясь уйти. Оторвала блокнотный лист, неровно свернула его два раза и протянула мне:

– Будьте любезны передать.

Хлюпнула носом, развернулась и вышла вон, закрыв за собою дверь.

Хорошо начинается семейная жизнь.

Записка жгла мне руку, пока я несла ее в Женин кабинет… И ведь даже не запечатана – он никогда не узнает, если я загляну в нее. Немногие смогут понять, скольких сил мне стоило удержаться. Но я все-таки сделала это, просто оставив записку на столе и чуть придавив ее уголок лампой.

Я вышла замуж за Ильицкого, отдала свою судьбу в его руки, а значит, должна во всем доверять ему. Кроме того, я не была слишком наивной, чтобы не понимать – у моего мужа до встречи со мною была долгая и отнюдь не монашеская жизнь, подробности которой мне вовсе не хотелось знать. Потому я плотно закрыла дверь в кабинет и решила о записке больше не думать.

В конце концов, у нас с Женей настолько особенная близость, что он сам мне непременно все расскажет!

Однако я ошиблась.

– Никита сегодня превзошел сам себя, – сказала я за ужином, подливая мужу апельсинового соуса, – по-моему, он добавил к птице какие-то травы. Базилик, кажется.

– Не думаю, – качнул головой Женя. – Просто к тарелкам присохло что-то.

Меж тем он продолжал доедать курицу – не без аппетита даже. А вот меня слегка замутило. Прискорбно сознаваться, думала я, откладывая нож и вилку, но, несмотря на оконченный с отличием Смольный, хозяйкой я оказалась самой что ни на есть дрянной…

Но я старалась изо всех сил.

– Милый, – я потянулась через стол и игриво погладила Женину руку, – я подала сегодня объявление о найме кухарки, обещаю, что мы едим курицу последний раз в жизни.

Честное слово, я думала, он обрадуется.

– А чем плоха курица? – изумился Женя вполне серьезно. – Но насчет кухарки – это отличная новость. И тогда уж тебе следовало нанять и горничную.

– А Катя?..

– Что – Катя? Кто-то же должен вызывать прачку или хотя бы открывать дверь, когда звонят. Не знаю… если тебе ее жаль, повысь Катю в экономки. Сколько нынче платят экономкам?

– Надо в газетах почитать… – Я снова упрекнула себя за то, что ничего не смыслю в ведении хозяйства. – В любом случае Катя не может быть экономкой, потому как неграмотно пишет, невнимательная и перепутает нам все счета.

– Но и от Кати в роли горничной проку нет. Я же предлагал завести лучше канарейку – от нее тоже много шума и мало пользы.

– Тише, услышит… – Я покосилась на дверь.

А потом подперла рукою голову и некоторое время молча наблюдала, как муж разделывает птицу. Пока не поймала себя на том, что улыбаюсь совершенно по-глупому и думаю черт знает о чем.

– Что? – поинтересовался он, поймав этот мой взгляд.

– Ничего, только лишь смотрю, как ты ешь.

– Смотри не смотри, но мне еще поработать с бумагами нужно – раньше чем через два часа я в спальню не поднимусь.

– Я вовсе не затем на тебя смотрю! – смутилась я и вскочила с места, чтобы он не заметил, как вспыхнули мои щеки.

– А зря – могла бы попытаться. У тебя был шанс.

Я же сделала вид, что больше в упор его не вижу, и прошла мимо. Правда, достаточно близко для того, чтобы он смог поймать меня, обхватив за талию, и усадить себе на колени.

– Не дуйся. – Он легко поцеловал меня. – Неужто до сих пор не научилась различать, когда я пытаюсь пошутить?

– Кто тебе сказал, что не научилась? – Я положила руки Жене на плечи и, добившись чего хотела, с обожанием глядела в любимые черные глаза. – А тебе бы следует научиться понимать, что дуюсь я лишь для того, чтобы ты меня обнял.

– А тебе кто сказал, что я не научился?

Мы улыбнулись одновременно, и на этот раз я поцеловала его сама. Легким прикосновением губ теперь не обошлось, мы немного увлеклись и очнулись

только от вскрика Катюши от двери.

– Ой! – ахнула она, однако тотчас выйти не поторопилась. – Я, право, думала в столовой убрать да спать лечь пораньше.

Я как ужаленная вскочила на ноги, чтобы оправить юбку. Один чулок Женя все-таки успел отстегнуть, и он гармошкой ниспал к щиколотке. Я готова была со стыда сгореть.

– Вы не будете уже кушать? Можно убирать? – невозмутимо поинтересовалась Катюша.

– Будем, Катя, будем, ты иди… иди, пожалуйста, куда-нибудь!

Даже Ильицкого ей удалось смутить.

– Как скажете, – фыркнула она, кажется, обидевшись.

Когда Катюша вышла, я мучительно закрыла лицо руками. Потом отняла ладони, поглядела на Женю, и оба мы прыснули со смеху – сразу стало легче.

– Ну вот, – упрекнула я его, – ты говорил, что Катя безнадежна, а она даже вызвалась помыть посуду.

– Как думаешь, может, теперь она сама уволится? – не разделил он моей радости.

– Тише! Услышит, нехорошо будет…

Я подошла к двери и, не дыша, приоткрыла – Катюша с той же невозмутимостью удалялась в судомойную и уже закрывала за собой. Огромнейший плюс нашей горничной, который перекрывал многие-многие недостатки: Катя была совершенно нелюбопытна. Ей и впрямь не было до нас дела, ни капельки.

– Ушла, – прокомментировала я.

– Тогда зови снова, пока она не передумала – надобно все же убрать. – А на мой вопросительный взгляд развел руками: – Лида, мне и впрямь следует поработать, но я обещаю, что управлюсь быстро. Не скучай.

– Постой-ка…

Надо признать, я только сейчас, поняв, что он вот-вот направится в кабинет, вспомнила о незнакомке и злополучной записке, оставленной на Женином столе.

– Утром, едва ты ушел, к нам заглянула женщина… Искала тебя.

Он нахмурился.

– Брюнетка, совсем молодая. С родинкой на щеке.

– Я не знаю такой, – с сомнением пожал плечами Женя. – Она представилась? Быть может, адресом ошиблась?

– Нет, она искала именно тебя – назвала твое имя.

– Она сама назвала мое имя или согласилась, когда его назвала ты?

Я запнулась, припоминая. И правда… это я уточнила у нее, ищет ли она Евгения Ивановича, а незнакомка лишь подтвердила. Когда я счастлива, то становлюсь глупой как пробка… Разумеется, следовало настоять и выпытать, кто она такая, а не выдавать всю подноготную об Ильицком!

– Должно быть, действительно ошиблась, – заключил по моему растерянному взгляду Женя. – Или, если она, говоришь, совсем молода, вполне возможно, что это одна из моих вольных слушательниц.

– Вольных слушательниц?

– Да. Я ведь упоминал, что с недавних пор университету предписали допускать на лекции и девиц – вольными слушательницами. Такая глупость… Я даже с руководством ссорился. Зачем, скажи мне, этим девицам история Балкан?

Я давно уже уперла в бока руки, глядела на Ильицкого из-под бровей и ждала, когда же он намекнет, что удел женщины – это Kinder, K?che, Kirche, Kleider[3 - Дети, кухня, церковь, наряды (нем.) – расхожее выражение, приписываемое кайзеру Вильгельму II Гогенцоллерну и определяющее круг интересов женщины того времени.]. У меня много чего имелось сказать по этому поводу.

Ильицкий же, видимо, мой взгляд разгадал и выставил, будто защищаясь, руки:

– Нет, я вовсе не имею в виду, что девицам не нужно образование! Но смешанное обучение – это чушь собачья и ни к чему хорошему не приведет. На занятиях балаган! Студенты лектора не слушают, то и дело отвлекаясь на этих смазливых пигалиц. А девицы… дай бог, если хотя бы треть их явились действительно за знаниями! Вот намедни как раз выгнал двух таких, велел на мои лекции больше не ходить. Так они домой ко мне заявились?! Хороши…

– Девица приходила всего одна, – поправила я, вспоминая, как она себя вела и что говорила.

Одета незнакомка была, пожалуй, излишне броско для вчерашней гимназистки. Так, быть может, Женя за то ее и выгнал? Мне внезапно сделалось легко, будто груз с души упал.

Расчувствовавшись, я даже вновь подалась к Ильицкому, обвивая его шею руками:

– И много у вас там смазливых девиц?

– Хватает.

– А умниц?

– Тоже есть парочка.

Он охотно обнял меня, привлекая к себе и, очевидно, снова забывая о своих бумагах.

– А таких, чтобы и умница, и симпатичная?

Ильицкий сделал вид, будто задумался. Но потом решительно покачал головой:

– Мм… пожалуй, нет – я женился на последней.

Женя знал, как доставить мне удовольствие.

На этот раз мы предусмотрительно укрылись в спальне и не забыли запереть дверь.

* * *

Проснулась я глубокой ночью – от холода. Вокруг висела тяжелая непроглядная тьма, но я сразу почувствовала, что одна в постели. И даже испугалась – оказывается, я окончательно отвыкла спать одна.

Тотчас, не мешкая, чтобы зажечь свечу, нащупала пеньюар, закуталась в него и, стуча от озноба зубами, направилась искать мужа – сперва в будуаре, потом в гостиной. Оказалось, что свет во всей квартире горит только в Женином кабинете – туда-то я и поспешила.

Но замерла в дверях, робея войти. Недоброе предчувствие опять терзало меня – я думала о незнакомке и ее треклятой записке.

Привиделись отчего-то ласковые руки мамы, погибшей, еще когда я была девочкой. Ее вздох и взгляд, смотрящий в такую же густую ночь, как сегодня. Ее слова, сказанные уж не помню по какому поводу: «Боги не любят счастливых, Лиди. Ежели все слишком хорошо, то непременно жди беды».

Я несмело заглянула в приоткрытую дверь.

Женя сидел в плохо освещенном кабинете, откинувшись на спинку кресла. Пальцами за уголок он держал блокнотный лист, некогда свернутый два раза, и смотрел, как ярко полыхает он огнем. Смотрел хмуро, настороженно. О чем он думал в тот момент? Дождался, когда бумага прогорит до черноты, и только тогда уронил ее в пепельницу.

Меня он так и не увидел.

Глава вторая

Утром я снова проснулась одна. Не проспала, нет – на часах еще и восьми не было, это Женя ушел раньше обычного. Неужто только затем, чтобы со мной не разговаривать о вчерашнем?

Всю предыдущую неделю я вспархивала из постели полная сил и с тысячью задумок в голове. А сегодня долго не могла заставить себя даже сменить пеньюар на что-то более приличное и тупо смотрела из окна спальни на шумную улицу внизу…

Мы занимали два верхних этажа одного из доходных домов[4 - Многоквартирный жилой дом, построенный для сдачи квартир в аренду.] в самом начале Малой Морской. Из окон почти всех комнат можно было разглядеть пышный Невский, а с балкона в гостиной – даже шпиль Адмиралтейства. Напротив нашего парадного располагалась мебельная лавка Гамбса, что я находила весьма удобным, и вся наша мебель закупалась именно там. Далее по Малой Морской были еще доходные дома, ювелирные лавки, аптечные; вечно теснились конные экипажи, потому как в конце улицы находились гостиницы «Париж», «Гранд-отель», целая вереница ресторанов. Но меня, пожалуй, вовсе не смущал шум – я настояла, чтобы спальню обустроили именно в южной части дома, с окнами на улицу. Со стороны двора же в основном были хозяйственные комнаты.

Одеваться, разумеется, все равно пришлось – ждали соискательниц на место кухарки, и выбирать ее намеревалась я сама. Да так, чтобы не промахнуться, как с Катей. Потому я нарядилась построже, стянула волосы в простой узел и решила быть важной серьезной дамой – из тех, про которых с уважением говорят, что они весь дом держат в ежовых рукавицах.

Девяти еще не пробило, но кандидатки уже толпились у парадного – я полагала, именно это собирается сказать Никита, когда, деликатно постучав, он заглянул в гостиную.

– Лидия Гавриловна, разрешите доложить… – он помялся и мотнул головой назад, в сторону передней, – барышня там, что вчерась приходила – сызнова у дверей топчется.

Я разволновалась. Вот уж не думала, что увижу ее еще раз. Уточнила:

– В передней?

– Никак нет, – Никита придирчиво поглядел на зеркальную вставку в двери и с дотошностью принялся полировать ее рукавом сюртука, – на улице покамест. В окно я ее увидал. – Потом перевел хмурый взгляд на меня и добавил веско: – Видать, поджидает кого-то.

Иногда у меня бывало подозрение, что Никита, бок о бок проживший с Ильицким уже лет десять как, сам ревнует его и ко мне, и к разным девицам, его требовавшим и непонятно откуда взявшимся. Вот уж у кого точно «особенные отношения», так это у них двоих.

Но Никита говорил спокойно и взвешенно, а я медленно закипала. Не ответив, я решительно направилась в переднюю, схватила первую попавшуюся накидку и спустилась вниз по лестнице.

Незнакомка стояла на другой стороне улицы, как раз у витрины господина Гамбса, одетая в тот же наряд, что и вчера. Ветер трепал короткую вуалетку, и она больше мешала, нежели скрывала ее лицо.

– Снова вы?! – не здороваясь, с вызовом упрекнула я. – Ежели Евгений Иванович до сих пор не ответил на ваше письмо – очевидно, что ему не о чем с вами разговаривать! А поджидать его вот так, на улице… право, имейте же хоть толику самоуважения!

Но снова я смешалась, видя в ее глазах застывшие слезы. Пожалуй, я чересчур груба с нею.

– Должно быть, у вас к нам дело? – спросила я уже мягче. – В таком случае я настаиваю, чтобы вы прошли в дом, и за чашкою чая мы могли бы поговорить.

Незнакомка слабо качнула головой:

– Очевидно, вы не знаете о делах мужа. Мне нечего вам сказать, а вы едва ли сможете помочь мне.

Голос звучал до того обреченно, что я не нашлась что ответить. А она, утерев нос платком с той же буквой «Н» на уголке, продолжила.

– Я думаю, вы хороший человек, – решила она отчего-то, чем поставила меня в тупик окончательно. – И защищаете его, потому как действительно не знаете, какое чудовище ваш муж. Бегите от него, милочка. Бегите, пока не поздно.

– Вы все же обознались… вы говорите о каком-то другом Евгении Ивановиче… не об Ильицком…

– Это вы обознались, когда выходили замуж за этого человека, – спокойно возразила она. – Думаете, он сейчас в университете? Ошибаетесь. Я искала его там, но мне ответили, что его нет. И не было. Ни сегодня, ни вчера.

Ее глаза встретились с моим растерянным взглядом, и она еще пожалела меня:

– Так вы и правда были о нем лучшего мнения? Знаете, я, пожалуй, не стану больше ходить сюда. Я с самого начала догадывалась, что затея моя обречена на провал. А вы и так все выясните, ежели захотите. Прощайте. Извозчик!..

Она вскинула руку, желая остановить проезжавший мимо экипаж, легко вскочила внутрь, захлопнула дверцу и даже не оглянулась ни разу. Я же осталась в еще большей растерянности, чем вчера.

Миллион мыслей роились в голове, но важнее всех сейчас была одна – не упустить незнакомку из виду. У нашего парадного уже переминались три женщины, пришедшие, очевидно, по объявлению; я не предупредила, что уезжаю, и даже шляпку с перчатками на успела захватить, но, не думая о последствиях, бежала сейчас через дорогу, заприметив свободную коляску.

– За тем экипажем, немедля! Не упусти его, голубчик, прошу!

– Полтину пожалте, сударыня, – хитро прищурился извозчик, но хоть вопросов задавать не стал.

– Будет, будет тебе полтина, не упусти только!

Извозчик, довольный, тронулся. Цену он задрал будь здоров – ну да бог с ним. Правда, я и ридикюль не захватила тоже, но в карманах накидки точно было немного мелочи.

Я слегка успокоилась, увидев, что экипаж незнакомки задержался в дорожном потоке на Невском. Мы могли теперь пропустить вперед две-три коляски, чтобы преследование не казалось слишком явным, и спокойно держаться позади.

Лишь бы теперь она не свернула в узкий проезд меж домами, молилась я молча, ибо там мы ее точно упустим.

Но вероятность того была мизерной – право, не шпионка ведь она какая в самом-то деле, чтобы следы путать!

Экипаж, не пытаясь прибавить скорости или оторваться, спокойно добрался до начала Невского проспекта и свернул вправо. А у самой Дворцовой площади незнакомка, к немалому моему удивлению, расплатилась с извозчиком и… вышла. Я того же делать не спешила. Заплатила своему кучеру пятьдесят копеек, лишь бы молчал, и с замиранием души следила, как незнакомка потерянно бредет по пустынной площади. Слева здесь блестел начищенными окнами изящный Зимний, и мне тотчас подурнело при мысли, что незнакомка вот так запросто войдет туда. Что я стану делать, ежели так случится? Я ведь ровным счетом ничего о ней не знаю…

Справа же, под Триумфальной аркой, посвященной Отечественной войне 1812 года, притаился вход в здание Главного штаба. И мне подурнело еще больше, потому как вдруг показалось, будто девица направляется именно туда. Я даже покрыла голову капюшоном накидки и наклонила лицо, ибо мой родной дядюшка, граф Шувалов, имел столь высокую должность, что вполне мог бы сидеть в одном из кабинетов этого здания и любоваться сейчас на меня в окно.

Но нет… Шагов за десять до арки незнакомка остановилась как вкопанная. Потом попятилась, и вид у нее стал такой, будто она заблудилась. Очередной

порыв ветра налетел на нее тогда, закружил юбку, сорвал с лица вуаль, и, казалось, подуй он чуть сильнее, вовсе сбил бы хрупкую ее фигурку с ног. Она сжалась, становясь совсем маленькой и потерянной на этой огромной площади.

Будто пьяная, пошатываясь и спотыкаясь, она брела через площадь дальше. А у подножия Александровской колонны задрала вверх голову и долго так стояла, о чем-то размышляя. Я даже притомилась ждать. И тогда впервые подумала, что, может, она просто сумасшедшая? Еще сильнее я стала это подозревать, когда незнакомка резко, будто ужаленная, сорвалась с места и пересекла оставшуюся часть площади почти бегом. Там, на Миллионной, она снова взяла экипаж, и нам пришлось поторапливаться, дабы ее не упустить.

Но на сей раз все было просто. Я даже не поверила сперва, что моя задумка – узнать, где живет сия таинственная дама, – осуществилась столь легко. Экипаж остановился у роскошного парадного одного из особняков на той же Миллионной. Незнакомка обыденно сошла на тротуар, опершись на руку подскочившего к ней швейцара. И проскользнула в открытые им же двери.

Вот так номер… неужто она живет здесь?[5 - На Миллионной улице в Петербурге обычно селились представители аристократии или же очень богатые люди.]

Мой извозчик остановился чуть поодаль. Пришлось выгрести из карманов последнюю мелочь, дабы расплатиться за все простои, а после, снова надев капюшон, я тоже покинула коляску. Рассеянно оглядела дом. Да, это не наш доходный домишко на Малой Морской… здесь явно жили аристократы, владевшие особняком полностью. Так кто эта незнакомка? Жена хозяина? Дочь?

Я была полна решимости, чтобы разузнать все.

– Голубчик, молодая дама, что вошла сию минуту, хозяйкой ли здесь будет?

Швейцар, высокий и усатый, с зубчатой короной[6 - У швейцаров, служивших в аристократических домах, на тулье всегда изображалась зубчатая корона. По числу зубцов можно было узнать, какой титул у хозяина.] на тулье фуражки, хмуро оглядел меня с ног до головы. И видимо, счел не слишком важной птицей, чтобы разговаривать вежливо.

– А тебе-то что за дело? Ходют тут…

Я посетовала лишний раз, что хотя бы перчаток не захватила, но, разумеется, сдаваться не собиралась, а решила ему подыграть:

– Слышала я, будто гувернантка хозяйке требуется. Так вот, пришла я. И рекомендации имеются. Пустишь?

Для убедительности я полезла в карман в складках накидки, долго искала там, пока не вынула одну-единственную копеечную монету, чудом завалявшуюся. И неловко сунула ему.

– Не велено никого пускать, – еще более надулся швейцар, но копейку припрятал. – Завтра приходи. Генерала не будет, а хозяйка, бог даст, примет…

– Генерала? – Я не скрыла удивления.

– Его превосходительство генерал Хаткевич! – прищелкнул каблуком швейцар. – А ты что ж, не знаешь, к кому нанимаешься?

– Знаю-знаю, голубчик… Спасибо.

– Спасибо-то в карман не положишь, – упрекнул тот.

– Чем богаты. – Я еще раз жалко улыбнулась. Все наперекосяк!

И в задумчивости отошла.

Хаткевич… Так монограмма «Н» на платке – это первая буква не имени, вроде Натальи или Нины, а фамилии, ежели латиницей писать.

Я прогулялась вдоль фасада, то и дело посматривая – не выйдет ли незнакомка вновь. Настырно заглянула меж прутьями кованой решетки, что перекрывала въезд во внутренний двор. Там, на зеленой поляне, среди клумб резвились двое детей, совсем младенцев, года по три. Выходит, угадала я с гувернанткой.

Генерал Хаткевич был важною фигурой в Петербурге, кажется, и я о нем кое-что слышала. А четыре года назад, пока я еще обучалась в Смольном, по столице

прокатилась весть о его пышной свадьбе. Точно помню, что невестою была совсем юная девушка – мы с подругами еще сетовали, как же можно в семнадцать лет выходить за старика, хоть и богатого? И были уверены, разумеется, что нам-то точно достанутся принцы.

Так, значит, незнакомка и есть его жена и мать этих детей… Чем же ей мог насолить Ильицкий?

Глава третья

Прожив в Петербурге большую часть жизни, я все же непростительно редко бывала на Васильевском острове. Что и неудивительно: для смолянки свободно выйти за ворота alma mater – это вовсе l’absurdite[7 - Абсурд (фр.).]. Окончив обучение, я раза три посещала великолепную библиотеку Императорского университета, который и находится на Васильевском острове, что в глазах дядюшки, бывшего тогда моим опекуном, выглядело почти безрассудством. Слишком уж необжитой была сия местность и даже несколько маргинальной. В последние годы, я знала, его много обустраивали, но в моем воображении весь остров так и оставался одним большим Смоленским плацем, дурно прославившимся в Петербурге как место общественной казни. В шестидесятых здесь был повешен Каракозов, неудачно покушавшийся на императора Александра, а в конце семидесятых Соловьев[8 - Оба – участники тайного революционного общества – народнической организации «Земля и воля», просуществовавшей до 1879 г., когда Соловьев был казнен.], бывший, между прочим, отчисленным студентом университета, перед дверьми которого я и стояла сейчас в некотором душевном трепете.

Я решила полагаться на Женю во всем. Не верить и не принимать всерьез злые слова о нем той незнакомки. И все же не иначе как сам черт привел меня сюда – дабы я могла убедиться лично, что слова ее есть бред сумасшедшей.

Швейцар не проявил ко мне никакого интереса, и я беспрепятственно вошла. И, взбудораженная мыслями о Смоленском плаце, глупо отшатнулась от первого же попавшегося на пути студента, будто списанного с романа Достоевского. Почти уверена, что у Родиона Раскольникова был такой же шальной взгляд на исхудавшем небритом лице, сальные волосы и мятая, истерзанная кем-то

фуражка. А под огромным не по размеру плащом он, безусловно, прятал топор, заготовленный для какой-нибудь скверной старушки…

Впрочем, это, конечно, мое воображение разыгралось: студент, с которым я столкнулась на лестнице, даже поклонился и невнятно объяснил, куда пройти. Там дотошно у меня выпытывали, кто я такая да зачем мне понадобился Евгений Иванович. Отчего-то долго не верили, что я его жена, пытались поймать на противоречиях. Один не слишком воспитанный господин даже хотел выгнать: будто бы Ильицкому некогда. Но другой, седенький благообразный профессор, сжалился и послал одного из подручных за моим мужем – пойти к нему самой мне так и не позволили, сославшись, что я обязательно заблужусь в мудреной системе коридоров.

После я долго (очень-очень долго) дожидалась Ильицкого на лестнице, оставшись наедине со своими мыслями. По крайней мере, в одном сомневаться не приходилось: среди преподавателей имя Ильицкого было на слуху, и никто даже предположения не высказал, будто Жени сегодня нет.

Значит, незнакомка мне лгала.

Или же лгали ей, когда она разыскивала моего мужа…

И все бы ничего, отмахнуться от ее обвинений и забыть. Да только очень уж долго не было Жени. А явился он запыхавшийся: всю дорогу бежал.

– Так это все-таки ты? Что стряслось?! – Ильицкий выглядел взволнованным, будто жене навестить мужа на службе – это и впрямь какая-то невидаль.

Я же старалась казаться беспечной. Ну и пусть душу мою рвали самые скверные предчувствия – давать тревоге волю я не собиралась. Женя меня обманывать не станет, я точно знаю. Всему есть разумное объяснение, которое я обязательно найду.

– Ничего. Просто я не успела кое-что сделать утром.

Я подошла сама, взяла его за руки и, встав на цыпочки, нежно коснулась Жениных губ своими.

– Ты так скоро ушел утром, что остался без своего законного поцелуя. Это не давало мне покоя весь день.

Увы, но хмурую морщинку меж его бровями мне и тогда удалось разгладить не сразу. Ильицкий воровато оглянулся, убеждаясь, что на лестнице мы одни, и только потом хоть сколько-нибудь тепло мне улыбнулся. Но все-таки упрекнул:

– У меня лекция, я как подстреленный сорвался бежать из другого крыла, думал… бог знает что случилось!

– А что может случиться? – невинно осведомилась я. – Самое ужасное происшествие за мой день заключается в том, что я так и не наняла кухарку. Мне немного помешали… Но это не важно, милый, ведь главное, чтобы мы доверяли друг другу – все остальное образуется. Не так ли?

– Ну да… – кисло признал он.

И отвел глаза, делая вид, что смотрит на часы.

Он лгал мне! Все-таки лгал! По-прежнему у меня не имелось фактов, но это было уже столь очевидно, что я не знала, за что еще ухватиться, чтобы продолжать верить.

От университета я добиралась на Малую Морскую пешком, но не заметила дороги вовсе. А ворвавшись в дом, отмахнулась от Никиты, сетовавшего, что кухарки ждали-ждали меня да и разошлись.

Не до того мне было. Я скорее отыскала на столике в передней блокнот: слава богу, после нашей незваной гостьи никто им не пользовался, так что имелся шанс разглядеть на верхнем листе следы ее письма. Совершенно мизерный шанс: карандаш очень мягкий, и единственное, что мне удалось прочесть, пройдясь по листу легкой штриховкой, – окончание записки, где от волнения незнакомка слишком сильно давила на бумагу.

Порадоваться ли мне, что это оказалась все-таки не любовная записка?..

…учтите, у меня есть связи. Я отомщю!!!!

Четыре восклицательных знака и глупая школярская ошибка.

А ведь супруга генерала Хаткевича и правда могла отомстить… Знать бы еще за что. Наверняка об этом говорится в первой части письма. И мне в голову пришла новая идея: шанс еще более мизерный, но не попытаться я не могла – бросилась в Женин кабинет. И мысленно возблагодарила Катю за ее лень, потому как в пепельнице по-прежнему лежал скорчившийся черный клочок бумаги.

Угрызений совести на этот раз я не чувствовала, только злость. И немного охотничьего азарта… Кажется, совсем чуть-чуть, самую малость, но я соскучилась по всем тем премудростям, которым учил меня дядюшка.

Готовилась медленно, тщательно, чтобы не ошибиться и не загубить дело. Во-первых, закрепила над Жениным столом лупу и добавила больше света; медицинского пинцета под рукою не оказалось, но щипцы для бровей с легкостью его заменили. Ах да, самое важное! В конспектах, которые я штудировала по велению дядюшки, говорилось, что жженая бумага непременно рассыплется от первого же прикосновения, ежели не смочить ее предварительно любою влагой. Желательно с некоторым количеством масла. Духи как раз подойдут!

Я легонько распылила над пепельницей «Fleur d’Italie» маэстро Эме Герлена – лишь чтобы уцелевший клочок бумаги не был таким сухим и хрупким. А после, затаив дыхание, крайне осторожно попыталась расправить его щипцами. И не сдержала мучительного стона, потому как бо?льшая часть записки все-таки рассыпалась… Хотя следовало радоваться уже тому, что, по крайней мере, треть ее – из середины – осталась невредима.

Это была моя первая pratique[9 - Практика (фр.).], и я глазам своим отказывалась верить… Ведь выведенные мягким карандашом буквы читались вполне сносно – тускло поблескивали на черной бумаге. А при правильной постановке света даже складывались в слова.

Заклянаю, ежели осталось в вас что-то человеческое – вы оставете в покое его! Его и меня! Умаляю вас, он такой замечатель…

Снова ни имен, ни фактов – одни истерические восклицания да ошибки. Мадам Хаткевич явно не получила должного образования, а значит, едва ли ее родители принадлежат к высшему сословию.

Из письма выходило, что Ильицкий донимает ее семью. Ильицкий, а не она нас! И кто этот загадочный «он», из-за которого она так убивается? Муж-генерал?

«…учтите, у меня есть связи. Я отомщю!!!!»

– Плохи наши дела, ежели она и правда возьмется мстить. Да еще с помощью мужа, – произнесла я вслух задумчиво. – Во что же ты ввязался, Женя?

«И следует ли мне самой заниматься чем-то кроме поисков кухарки?» – спросила я уже мысленно.

Покуда мыла пепельницу и уничтожала прочие следы своей pratique, я дотошно перебирала в уме варианты. И по всему выходило, что Женя лгал мне, что незнаком с этой мадам Хаткевич: она искала его в университете, а он велел отвечать, будто его нет. Прятался? Неужто и впрямь есть за ним вина? Нет, быть того не может…

Если Женя и лжет, то лишь мне во благо – только так. Пусть делает, что считает нужным? Ведь я до сих пор была уверена в главном: Женя меня любит и никогда не обидит. Хотелось бы добавить, что он столь же сильно меня уважает, как и любит, но… не думаю, что уважение и ложь могут ходить рука об руку.

Уязвленная таким выводом, остаток дня я маялась, не зная, как быть. И не замечала, что часы пробили сперва семь, потом восемь. А потом шедшее на закат солнце позолотило последними лучами нашу скромно обставленную гостиную и окончательно упало за Неву.

Ильицкий до сих пор не вернулся.

– Извольте кушать пойти, Лидия Гавриловна. Стынет уж все.

– Иду-иду, Никита. Непременно. Евгения Ивановича только дождусь… – Я впервые за вечер посмотрела на часы.

Тот обиделся:

– Дык он когда еще явится… Могёт и вовсе не прийти – всяко бывало, – обнадежил меня Никита.

И вскоре раздумья, что мне сказать мужу, когда он вернется, отошли на второй план. Что, если он вовсе не вернется?

«…учтите, у меня есть связи. Я отомщю!!!!»

До одиннадцати часов, покуда домашние спали, я металась из комнаты в комнату, не находя себе места, а к половине первого всерьез решала, куда бросаться за помощью. В полицию? Лично к Степану Егоровичу, моему доброму другу, служившему теперь в городской полиции? Или же сразу к дядюшке? К дяде обращаться не хотелось… я вовсе зарекалась когда-то что-либо у него просить.

Но когда я была готова уж поступиться принципами, мой настороженный слух уловил щелчок от поворота ключа в двери. Рука сама потянулась к изящной статуэтке балерины на мраморном пьедестале. И только потом я выглянула в переднюю. Право, я ожидала чего угодно…

– Не спишь? – как будто не удивился Ильицкий. Увидел балерину у меня в руках, тяжело вздохнул, но тоже не удивился.

Лаковые его ботинки, как и ноги по колено, были перепачканы ошметками высохшей грязи.

Поставив балерину, я обнаружила, что у меня мелко дрожат руки. И с силою впилась пальцами в собственные плечи, чтобы это было не слишком заметно.

– А ты смог бы уснуть, ежели б я прогуливалась где-то до часу ночи?

– Вряд ли. – Он поднял на меня уставшие глаза. – Прости, Лидушка. Не думал, что задержусь так надолго. Прости, у меня было одно дело.

Нашу переднюю тем временем медленно, но верно заполнял аромат женских духов. Ее духов, флакон которых едва не разбился у этих дверей день назад.

И я, передумавшая уж всякое, тогда сообразила: может, первая моя догадка о нем и этой мадам Хаткевич и есть истина? Может, все проще? А «месть» ее – это лишь месть брошенной женщины?

– Читал лекции в университете припозднившимся студентам? – не сдержалась я.

И сама устыдилась своей истерики. Но не представляла, как мне оставаться спокойной, если пять минут назад я всерьез размышляла, куда в Петербурге увозят мертвые тела, найденные на улице. А он в это время где-то успел насквозь пропитаться женскими духами!

Однако Ильицкий ответил неожиданно честно:

– Нет, мои лекции закончились днем, вскорости после твоего визита. Пойдем, нам следует поговорить.

– О чем же?!

Отчего-то я все равно была уверена, что он станет лгать. Но покорно прошла за Женей в кабинет, притворила дверь и села в кресло.

– О чем… – невесело вздохнул Ильицкий, усаживаясь тоже. – О той девице с родинкой, разумеется. Она ведь и сегодня приходила, так? Обвинила меня во всех грехах и наплела небось, будто в университете меня нет, – потому ты побежала туда. Меня проверять, верно? Ну вот, а сама говоришь о доверии…

Я смутилась. Как же это у него получается? После любой нашей ссоры, что бы он ни натворил, я все равно себя чувствовала немножко виноватой и чуть-чуть дурой. Но следовало взять себя в руки, тем более что они как раз перестали трястись.

– Эту девицу зовут генеральша Хаткевич! Мне это известно. Женя… – я решила идти до конца, – скажи мне прямо, что тебя с нею связывает? Или связывало. Скажи, я не наивное дитя, я все пойму.

Он фыркнул почти брезгливо:

– Боже меня упаси быть чем-то с нею связанным!

Я, признаться, растерялась.

– Так чем же ты тогда досадил Хаткевичам?

– Кому? Кто такие Хаткевичи?..

Он удивился этой фамилии. Лицо его умело быть непроницаемым, часто я не могла догадаться, что у него на уме. Однако я всегда видела, ежели Женя лгал мне или пытался о чем-то умолчать. Так вот сейчас он и впрямь был удивлен. С четверть минуты, недоуменно подняв брови, ждал моих пояснений, а потом тряхнул головой:

– Милая, я не знаю, что она сказала тебе и кем назвалась. Да это не столь важно, потому как, обещаю, больше ты ее не увидишь. Я все уладил.

Я очнулась. Еще раз поглядела на его перепачканные землей ботинки, а потом с тревогой окунулась в любимые черные глаза и судорожно сглотнула.

Ильицкий усмехнулся, верно угадав мои страхи:

– Нет, Лида, я не убил ее и не закопал труп в лесу. Мы лишь поговорили, обсудили все и кое-куда с нею ездили. За город. Но более она не вернется.

Я молчала, не зная, что сказать.

– Тебе интересно, куда именно мы ездили? – спросил тогда он.

– Нет, – искренне ответила я.

– Тогда, быть может, тебе интересны ее имя, фамилия, род занятий – спрашивай! Где же твое нездоровое любопытство?

Я без сил покачала головой:

– Мне дела нет до ее имени.

И закрыла лицо руками. Отчего-то Женины заверения, будто он все уладил, встревожили меня еще больше. Так, значит, прежде беспокоиться было о чем? И записка с угрозами – это не глупость, от которой можно легко отмахнуться?

Женя неслышно подошел и осторожно отвел мои руки от лица. Заглянул в глаза:

– Прости. Я опять сказал что-то не то?

Я мотнула головой, прогоняя слезы, и позволила Ильицкому прижать меня к себе. Заговорила торопливо, зарываясь пальцами в его волосы:

– Когда я поняла, что ты можешь не прийти, просто не прийти домой, мне стало очень страшно, Женя. Что придется, как сегодня, просыпаться одной – каждый день. Каждый чертов день. До бесконечности. Я так не смогу. Просто помни об этом, когда в следующий раз вздумаешь…

Я уткнулась ему в плечо, не договорив.

– Лида, ты что? Не вздумай плакать… и запомни: все будет хорошо.

– Все будет хорошо… – повторила я.

А про себя закончила: мама тоже так говорила. А после ее убили.

Наверное, я просто очень устала в тот день, но мне не хотелось больше знать о той незнакомке ничего. Я и впрямь посмела надеяться, что никогда о ней более не услышу. Она сама обещала, что оставит нас, и Женя с нею поговорил… Так стоит ли мне знать подробности?

* * *

А наутро выяснилось, что Женины шуточки про труп незнакомки в лесу были на редкость неуместны, потому как накануне ее действительно убили.

Глава четвертая

Меня разбудил бьющий в глаза свет, и тотчас я поняла, что так быть не должно. Проспали!

Но Ильицкий никуда не торопился, а сидел, закинув ногу на ногу, в кресле у изголовья кровати и мирно пил кофе. Была за ним такая скверная привычка – проснуться чуть раньше, тихо сесть рядом и глядеть, как я сплю. Признаться, всякий раз меня это смущало.

– Боже, который час?! Ты, верно, уже опоздал! – всполошилась я спросонья.

Женя оставался невозмутим:

– А я решил больше вовсе не ходить на службу. Надоело. Лучше стану каждое утро приносить тебе кофе с пирожными.

Кофе, к слову, пах божественно, а на вкус был еще лучше – в чем я убедилась, приняв из рук Жени чашку. И только потом догадалась:

– Ах, сегодня воскресенье… Откуда пирожные?

– Сам испек, – гордо соврал он и выбрал для меня огромное, лимонно-желтое с розовой обсыпкой. – Называются baiser. Ты знаешь, как с французского переводится «baiser»?

– Совершенно не знаю, – тоже соврала я.

И Женя с удовольствием мне объяснил, весьма подробно остановившись также на других французских substantifs et verbes[10 - Имена существительные и глаголы (фр.).].

О вчерашнем не говорили, будто не было ничего. Может, стоило забыть вовсе… но позже, когда, покончив с baisers, мы все-таки оделись, я будто бы между прочим спросила:

– Милый, раз сегодня воскресенье, отчего бы нам не пригласить кого-нибудь на ужин? Степана Егоровича, скажем.

Ответом мне был кислый взгляд из-под бровей, который в полной мере выражал мнение Ильицкого о вышеупомянутом Степане Егоровиче. Впрочем, меня это не испугало.

– Мне надобно отдать одну книжку, что он давал прочесть, – объяснила я.

Книжка называлась «П?на и п?нистая жидкость въ дыхательныхъ путяхъ утопленниковъ», но я обошлась без этих мелочей. Поморщилась выбранному мужем простому черному галстуку и с дотошностью начала повязывать модным английским узлом другой, темно-синий и атласный.

– Кроме того, – продолжала я меж тем, – нам следует собирать общество хотя бы изредка, не то все подумают, будто мы так счастливы вдвоем, что нам совсем никто не нужен. А людская зависть никогда не заставит себя ждать, ты же знаешь. Шептаться станут, рассказывать всякое. Могут и на службе тебя невзлюбить.

– Меня? С моим золотым характером да невзлюбить?!

Женя иногда так шутит, ибо характер он вообще-то имел тяжелый. Был вспыльчивым и крайне нетерпимым к людской глупости, а также ко всему, что за нее принимал. Оттого друзей у него было не так чтоб очень много.

– Впрочем, если тебе хочется, – смилостивился он, – то зови своего Кошкина. Мы же и впрямь не дикари какие-нибудь. – Женя взял мои руки в свои и ласково продолжил: – После же мы поедем в театр, чтобы общество, не дай бог, не подумало, что нам есть чем заняться вечерами. А по пятницам я стану ходить в бордель – тогда мы запутаем всех еще больше. Здорово я придумал?

– Да, милый, – не менее ласково согласилась я, – а я в таком случае благосклонно отвечу на то письмо нашего соседа по даче. Женечка, какой же ты у меня умный!

Он напрягся мгновенно:

– Какой еще сосед? Николаев, который водил тебя танцевать? Он писал тебе? Или тот другой, прыщавый малолеток с дурными стишатами в альбоме?

– После, Женя, – отмахнулась я в том же легком тоне, – сперва распорядимся с обедом. Негоже приглашать одного Кошкина – я думаю написать Раскатовым, они как раз задолжали нам визит. Вспомни, вы с Павлом Владимировичем так хорошо и обстоятельно обсуждали реформу образования – даже сошлись во мнениях. А Светлана мне показалась весьма интересной собеседницей. Что ты думаешь?

Ильицкий предсказуемо скривил губы:

– Я думаю, что у его сиятельства графа Раскатова не много найдется общих тем для беседы со вчерашним полицейским урядником из Пскова. При всем моем уважении к твоему Кошкину. Однако так как Кошкин для тебя, очевидно, интереснее графа, то позволь, я вместо Раскатова приглашу своего армейского товарища. К его жене как раз на днях приехала сестра из Харькова. Милейшая особа, блондинка.

Я вздернула брови:

– Ты что же, решил сосватать Степана Егоровича? Чем он тебе досадил?

– Скажем так, я предпочитаю, чтобы моя жена водила дружбу с женатыми мужчинами.

Я удивилась еще более:

– Разве ж есть разница? Николаев, к примеру, женат, и тем не менее…

– Так тебе писал все-таки Николаев?!

Я неопределенно повела плечом, снова отмахнувшись:

– После, милый, после. Я немедля напишу Степану Егоровичу, а ты не забудь пригласить своего товарища с харьковской…

Я не договорила, потому как мой взгляд упал на заголовок утренней газеты. Очевидно, Женя принес ее вместе с пирожными, но едва ли заглянул в заметку на первой странице.

– Ты и теперь станешь говорить, будто не знаком с Хаткевичами?! – Я разозлилась столь сильно, что даже ударила его по плечу этой газетой.

А испугалась и того сильнее – жадно пыталась угадать Женины мысли, покуда он, хмурясь, бегал глазами по строчкам.

В заметке было сказано, что вчера, ровно в восемь пополудни, неизвестный бросил в коляску Ксении Хаткевич, молодой жены генерала, бутылку с зажигательной смесью. Она и ее горничная погибли тотчас, на месте. Неизвестный в суматохе скрылся.

Я никогда не видела прежде, чтобы Ильицкий бледнел. На челюстях его взбугрились желваки, а газета, смятая, полетела в угол.

– Останься сегодня дома, Лидия! – бросил он мне, срываясь бежать куда-то.

– Но…

– Не спорь! – он позволил себе повысить голос.

Я растерянно села, не зная, что и думать. Куда он поспешил? Что ему за дело до этого генерала и его жены? Немного придя в себя, я все-таки подняла газету, расправила смятые страницы. Перечитала заметку еще раз десять, надеясь хоть что-то понять.

Это произошло на Дворцовом мосту. Вчера в восемь. Ком в груди все нарастал, мешая уж дышать: Женя снова солгал мне. Он никуда не ездил с той дамою. Они

были в городе, иначе к восьми Ксения Хаткевич никак не успела бы попасть на Дворцовый мост!

А неизвестный, что бросил бомбу, – неужто новый последователь этих народовольцев?[11 - «Народная воля» – революционная народническая организация, возникшая в 1879 г. после раскола организации «Земля и воля». Поставила основной целью принуждение правительства к демократическим реформам, после которых можно было бы проводить борьбу за социальное преобразование общества. Одним из основных методов политической борьбы «Народной воли» стал террор.] Я прочла заметку еще раз, чтобы убедиться: его не задержали. Надо полагать, в этот час Дворцовый мост малолюден, и сумерки, в которых легко затеряться, уже сгущаются. Замечено лишь, что это мужчина. Достаточно сильный и молодой, чтобы за ним никто не сумел угнаться. Лицо до самых глаз было закутано шарфом, так что его и приблизительно никто не описал.

А еще я отметила, что ни слова не сказано о кучере, что правил коляскою. Вероятнее всего, он тоже погиб…

Ксении Хаткевич исполнился двадцать один год, и она оставила сиротами двоих маленьких детей, девочек.

После я долго и бесцельно смотрела из окна спальни на шумную улицу и не знала, что делать. Негоже перечить мужу во всем, ведь он велел остаться дома. Ежели это и впрямь очередное буйство народовольцев, то опасения Жени более чем оправданны, но… полиции следует знать, что Ксения была здесь! И о записке. Решившись, я быстро оделась и поехала на Миллионную, по вчерашнему адресу.

Нет, я не собиралась выкладывать всю подноготную о моем муже первому же попавшемуся полицейскому – я даже сомневалась, стоит ли особенно откровенничать с Кошкиным, когда найду его. Для начала надобно просто выяснить, что известно следствию.

Очень плохо я тогда была знакома со структурой городской полиции, с трудом отличала ее от жандармерии и как-то не сомневалась даже, что расследование поручат именно Кошкину. И здорово удивилась, не найдя его в доме на Миллионной: возле парадной толпились полицейские экипажи, люди в форме

стояли у дверей вместо вчерашнего швейцара и не пускали посторонних.

– Мне бы Степана Егоровича увидеть, – самым обыденным тоном обратилась к полицейскому у дверей.

– Кого-кого?.. – не понял мужчина, и тогда я впервые осознала, что не все в городской полиции знакомы с моим добрым другом. – Вы кто такая, сударыня, будете?

– Гувернанткою я у Хаткевичей буду, – ответила я не раздумывая и чертыхнулась про себя. Зачем солгала?! Но столь же уверенно продолжила: – Приболела я, потому позже обычного пришла.

– Проходите, – без интереса мотнул головой полицейский и открыл мне дверь.

Вестибюль генеральского особняка – просторный, с высокими потолками, хрустальными люстрами и зеркалами, укрытыми черной тканью, – встретил суетою еще большей, чем улица. Прислуге дела до меня не было, и даже пальто со шляпкой никто не предложил взять. Я двинулась вперед, а после толкнула одну из дверей, все еще надеясь найти Степана Егоровича. Здесь была большая гостиная с роялем у окна: всхлипывала девушка в одежде горничной, со слезою в голосе говорила что-то другая. Важные полицейские хмурились и делали записи с их слов. На меня никто не смотрел. Я прошла в дверь, ведущую из гостиной, и лишь здесь меня остановили.

– Вы к кому, милочка? – спросила немолодая полная дама в строгом черном платье. На носу у нее было пенсне, а на поясе связка ключей. Глаза же – красные и заплаканные.

– Я… я в гувернантки наниматься пришла, – сказала я уже не очень уверенно. И добавила: – Мне назначали.

– Ах, милочка, какая теперь гувернантка… – Подбородок у женщины задрожал, а под пенсне заблестели новые дорожки слез. – Для маленького ведь гувернантку брали… вот-вот народиться должен был. Восьмой месяц дохаживала голубушка наша. Господи, Пресвятая Богородица, да что ж деется-то, что ж деется…

Вовсе без сил дама опустилась на софу, сняла пенсне и закрыла ладонями лицо. Плечи ее била крупная дрожь. Однако, всем сердцем сочувствуя чужому горю, я не жалела сейчас, что пришла сюда. Даже напротив – в груди поднималась волна ненависти к нелюдям, которые сотворили такое. И я сама себе поклялась, что все от меня зависящее сделаю, чтобы их наказали. Нужно непременно рассказать полиции все, что я знаю!

Вот только Ксению Хаткевич и ее нерожденного младенца это не вернет… Но я крепче закрыла глаза, как молитву твердя слова дяди, что чувства надобно держать в узде – они мешают здраво мыслить. А мне непременно нужно выяснить, что эту женщину могло связывать с моим мужем.

Поискав глазами, я нашла графин с водою и налила полный стакан – женщину (кажется, это была экономка Хаткевичей) следовало скорее успокоить.

– Попейте, – присела я подле нее и осторожно погладила плечо.

В последние годы в Смольном мы с Натали, той самой, которая стала теперь княгиней Орловой, несколько раз в неделю ездили помогать сестрам милосердия в госпиталь. Многого я там насмотрелась. И многому научилась – быть может, и побольше тогда узнала о жизни, чем за все годы учебы, вместе взятые. С доктором тамошним мне несказанно повезло: видя мой интерес, он не жалел времени, объясняя мне кое-что из медицины. И среди прочего заставил уяснить, что самый верный способ успокоить плачущего – дать ему воды. Ничто так не приводит в ритм дыхание и биение сердца, как размеренные глотки.

А пока женщина пила, я усиленно размышляла о незнакомке, что стояла на пороге моего дома. Неужто Ксения Хаткевич была беременною на восьмом месяце, а я этого не заметила? Впрочем, пурпурный ее наряд не был приталенным, а модницы порой столь усердно затягивают корсеты – будучи и в положении тоже, – что немудрено ошибиться…

Однако уверенности у меня оставалось все меньше. Я огляделась в уютной, очень женской гостиной. Стены, затянутые шелком в белую и голубую полоску, портреты, изображающие членов семьи Хаткевичей, надо полагать. У высокого окна холст с незаконченной вышивкой – котенок с пышным розовым бантом. Обивка на диванах нежно-голубая, в тон стенам. Очень спокойная и нежная комната – никаких кричащих пурпурных и красных, которые столь преобладали

в наряде нашей незваной гостьи.

Я приметила и фотокарточку в серебряной рамке, что стояла на каминной полке среди прочих, – супружеская пара с девочками-погодками: одну усадил на колени пожилой обрюзгший мужчина в форме генерала пехоты, вторую придерживала за крохотную ручку молодая женщина в светлом кружевном платье.

– Стало быть, это и есть мадам Хаткевич? – Я взяла рамку в руки. И подивилась с горечью: – Девочки совсем маленькие…

– Она, милочка, она… – Экономка отобрала рамку и принялась натирать стекло подолом фартука. – Что ж теперь будет-то: сиротами младенцы остались. Антон-то наш Несторович, его превосходительство, женится сызнова, как пить дать, а детушкам разве ж заменит кто мать? Так и придется теперича в падчерицах мыкаться. Ох, Господи, Пресвятая Богородица…

Я не дослушала женщину – не смогла. Все мысли мои были о том, что это лицо на фотокарточке, нежное и обрамленное мягкими светлыми локонами, ничуть не походило на лицо незнакомки с родинкой, что навещала меня два дня подряд.

Та незнакомка – не Ксения Хаткевич. Я снова не знала ни ее имени, ни причин, по которым она скрылась в доме генерала.

Глава пятая

Когда я счастлива, то и впрямь, видать, мозг мой усыхает за невостребованностью. Как я могла так ошибиться? И куда пропала незнакомка – ведь я своими глазами видела, как она вошла в парадную этого особняка. А швейцар любезно подал ей руку и открыл дверь! И буква «Н» на платке опять же.

Нет, незнакомка не чужая здесь.

Так кто же она?! Сестра генерала? Племянница? Однако я дотошно осмотрела прочие фотокарточки в гостиной, но лица давешней знакомой так и не увидела.

«Не растворилась же она в этих комнатах, как призрак…» – с досадой подумала я.

Но взяла себя в руки. Еще раз посмотрела на унявшую теперь слезы экономку и изобразила легкое удивление:

– Надо же… отчего-то я думала, что мадам Хаткевич много старше. Должно быть, не первый это брак у его превосходительства генерала? Есть ли старшие дети?

Женщина, измученная долгим плачем, не гнала меня и не ругала за излишнее любопытство. На вопрос мой она часто закивала, однако лицо ее сделалось жестче:

– Дочка у Антона Несторовича имеется от первого-то брака. Взрослая уж девка, непутевая только.

Она осеклась, передумав рассказывать. Лишь одарила меня уже не столь рассеянным взглядом:

– Вы простите, милочка, что я излишне тут перед вами расчувствовалась… Хорошая вы девушка, но не нужна нам боле гувернантка. Не нужна. Для девочек наших имеется уже наставница.

Я кивнула, не став ничего спрашивать. На сердце у меня было тяжело и муторно от сочувствия к бедной женщине, и вовсе то сердце разрывалось от жалости к девочкам. Я была несколько старше их, когда лишилась и отца, и матери, но сиротской доли все же успела хлебнуть сполна. Не много их ждет хорошего, покуда не вырастут.

Я тихонько притворила дверь, выходя из уютной гостиной, но покидать дом еще не собиралась: в той самой зале, где прежде полицейские допрашивали горничных, людей в форме уж не было, а вот девушки, забыв об обязанностях, негромко меж собою перешептывались. Меня, остановившуюся в тени пыльных

портьер, что укрывали двери, они видеть не могли.

А вот разговор вели весьма любопытный.

– …Совсем совести нет, ни вот столечко! – громким шепотом сокрушалась остроносая девица в светлых кудряшках. – Прямо в дом вчерась заявилась, бесстыжая! Зови, говорит, Глашка, Антон Несторовича, а то с места не сойду, покуда с ним не свижуся!

– Вот нахалка-то, простихосподи! – вторила ей другая, от любопытства искусав нижнюю губу. – И что – не сошла?

– Поначалу-то как уселась на вот эту самую софу, так и сидит, на меня зыркает токмо. Ну, час сидит, второй сидит. Антон Несторович, помнишь же, к ночи уж заявился, да пьяный сразу спать пошел. Не подивился даже, отчего Ксении Тарасовны до сих пор нету. Ясна кочерыжка, не дождалась она его. Изругала меня поганым своим языком да убралась. Чуть за полдень дело было – пушка петропавловская как раз бабахнула. А еще вот я тебе чего скажу, Марфушенька…

Девушка настороженно огляделась, не догадавшись, однако, внимательней осмотреть мой угол. Но понизила голос столь сильно, что я едва могла разобрать слова:

– …Скажу, что ни капелюшечки не удивлюсь, ежели девка эта бесстыжая Ксению Тарасовну… и того!

– Да ну!.. – пораженно выдохнула вторая. – Ты чего брешешь-то, Глашка! Сказали ж господа полицейские, что революционеры это проклятые бомбу бросили. Народники, али как их там.

– Много они понимают, твои господа! Ты сама-то, Марфа, покумекай! Точно тебе говорю: она все подстроила, змея подколодная, чтоб место хозяйкино занять!

– Что делается-то, божечки… – все же приняла версию ее подруга. – Ежели взаправду она хозяйкою станет, то туго нам придется, Глашенька, ох туго… Ты господам-то сказала, что сидела эта змеюка здесь вчерась?

– Больно мне надо самой встревать, – уже менее решительно отозвалась горничная Глаша. – От них не отвяжешься ведь потом. Да и не спрашивали меня, кто приходил вчера. Про подозрительных токмо спрашивали, а про нее – нет. Уж коли спросят – отвечу. Жалко мне, что ли.

– А думаешь, они сызнова придут? – Вторая снова покусала губу. – Вот хорошо бы… уж такие видные мужчины. И неженатые оба, Глашенька. Ох, как мне мужчины в мундирах нравятся, ты не представляешь!.. А Акулинушке уж как нравились…

Обе разом замолчали, растеряв веселость. Потом снова заговорила Глаша:

– Так полицейские же у них мундиры, не военные.

– А ну какая разница, все равно диво как хорошо смотрятся!

Здесь я отвлеклась, решив, что более ничего любопытного эти две особы не скажут.

Разговор меж ними, надо полагать, шел о незнакомке с родинкой. Хоть я уж ни в чем не была уверена… но и время, когда она вошла в дом, и манеры, показанные горничным, – все говорило, что именно эта дама донимала сперва меня, а потом сих милых девушек. С той лишь разницей, что в этом доме она незнакомкой не является – ее здесь знает даже прислуга.

Неужто это и есть дочь генерала Хаткевича от первого брака? «Непутевая девка» и владелица платка с монограммой «Н». Но я, опять же, не торопилась принять эту догадку как истину. Ох, как мне не хватало обмена фактами с полицейскими, как бывало у нас прежде со Степаном Егоровичем…

Разговоры про мундиры пришлось слушать еще с четверть часа – потом девушки ушли из залы, а я смогла выбраться из пыльных портьер. Прошлась по просторной гостиной, тотчас после ухода болтушек ставшей пустой и холодной. Снова завешенные черной тканью зеркала, опущенные портьеры и траур, который чувствовался в каждом с блеском обставленном уголке.

На изящном столике в стиле ампир среди охапок разномастных букетов стояла фотокарточка, овитая черными шелковыми лентами. Все то же лицо в светлых локонах – чистое и юное. Отчего-то я уже знала, что Ксения Хаткевич была не чета моей незнакомке. Однако ошеломительную версию горничной Глаши, что незнакомка виновна в ее гибели, я всерьез не рассматривала. Девчачьи глупости то, и не более.

Напротив, у незнакомки даже имелось то, что полицейские называют alibi. Она ездила за город в обществе моего мужа. Зачем? Это уж другой вопрос.

Глядя на милое, со светлым взглядом, лицо Ксении Хаткевич, я размышляла – уж не связано ли то чрезвычайное волнение незнакомки как раз с будущим убийством? Что, если она знала о нем? И, допустим, пыталась предотвратить… Но при чем здесь Ильицкий? Отчего она обвиняла его во всех мыслимых грехах?

А как Женя побледнел, когда узнал о смерти молодой генеральши? Я прежде никогда не видела, чтобы он бледнел.

«Во что же ты ввязался, Женя?.. – мысленно спросила я у фотографии. – Уж лучше, ей-богу, ты бы оставался в армии».

Кроме цветов, свечей и царственного портрета Ксении, на столике имелась еще одна фотокарточка – маленькая, узкая, явно отрезанная от общего снимка. На ней была изображена совсем юная девушка, лет шестнадцати, скромная и улыбчивая. Должно быть, горничная, погибшая вместе с хозяйкой. Та самая Акулина, которой нравились мужчины в военной форме.

Я малодушно отвела взгляд, не в силах это вынести. Не смогу больше, нет. К черту эти расследования. Надобно скорее ехать домой – Женя наверняка уже вернулся и… волнуется.

Решив так, я поспешила к двери, потянула за ручку и нос к носу столкнулась с высоким зеленоглазым брюнетом в форме полицейского чиновника, судя по нашивкам – весьма высокопоставленного. Слабо охнув, я отступила, будто уже сознаваясь, что сделала что-то неподобающее. Случались в моей жизни события, после которых я ко всем полицейским отношусь с некоторой долей настороженности – если это, конечно, не Степан Егорович.

А брюнет, смерив меня взглядом, почтительно кивнул:

– Фустов. Надворный советник при канцелярии градоначальника Петербурга[12 - В Санкт-Петербурге и других крупных городах градоначальник (прежде обер-полицмейстер) имел также функции начальника полиции города.]. Доброго дня, сударыня.

Я скорее присела в книксене, сочтя за лучшее уткнуть глаза в пол. И молилась про себя, чтобы он не спросил моего имени.

– Как имею честь обратиться к вам, сударыня? – не замедлил поинтересоваться тот.

– Марья… Марья Ивановна.

И чертыхнулась мысленно: если уж врать, то следует говорить что-то менее похожее на вранье. Поняв же, что следующим его вопросом будет причина, по которой я явилась в этот дом, я начала судорожно выдумывать, кем назваться. Гувернанткою? Так станет спрашивать, отчего я здесь, а не с детьми. Да и одета я до сих пор была в пальто и шляпку. Я взяла себя в руки и продолжила разговор сама, как могла спокойнее:

– Я, наверное, не должна здесь быть, но едва прочла в газетах… не могла усидеть на месте. Тотчас приехала. Я подруга Ксении Тарасовны, мы учились вместе.

Убрав руки за спину, я скорее стянула кольцо с безымянного пальца и надела на средний. С девицы и спросу всегда меньше.

– В Мариинке, стало быть, учились? Той, что на углу Невского и Троицкой улицы? – с воодушевлением уточнил Фустов.

– Именно. Разными годами, правда: Ксения несколько старше. Но мы посещали один и тот же… – я поискала глазами в просторной гостиной и наткнулась на дорогой немецкий рояль, – один и тот же класс по клавишным инструментам. Мы очень крепко дружили тогда…

Я осторожно посмотрела на Фустова: неужто поверил? Взгляд его был ясным, а лицо открытым и чистым. Даже красивым, если бы не жесткие складки поперек лба и не темные круги под глазами. Лет ему, надо полагать, тридцать с небольшим. Волосы грозили рассыпаться озорными кудрями, а потому от души были сдобрены помадою и зачесаны сколь возможно гладко. А из-под жесткого ворота мундира виднелась кипенно-белая сорочка. Кажется, шелковая. Любопытный полицейский.

Он понятливо кивал, выслушав меня до конца, а после указал рукою на софу:

– Вот что, Марья Ивановна. Теперь присядьте-ка и скажите мне правду.

Сердце мое ухнуло: не поверил…

Любопытный полицейский по-прежнему был предельно вежлив – только ясные зеленые глаза впились в меня столь цепко, что не подчиниться приказу не виделось мне возможным.

– Ксения Тарасовна всего четыре года как в Петербурге – училась она в Киеве, – спокойно пояснил Фустов.

Я кивнула, проглотив ком в горле:

– Хорошо, я сейчас все вам объясню… притворите дверь.

И, пока он выполнял требуемое, покорно прошла к софе. Только в последний миг ноги мои будто сами по себе прибавили шагу: я скоро пересекла комнату, толкнула вторую дверь за пыльной портьерой и тотчас захлопнула ее за собой. Прищемила край юбки – да и черт с ней. Фустов снаружи неистово тряс дверь и кричал что-то, но я уже повернула ручку с хитрым английским замком. С силою дернула юбку, конечно, порвав ее, и для верности подперла ручку спинкою стула.

Нет, лезть в окно я не намеревалась.

Комнаты в доме на Миллионной, как и в прочих домах старой постройки, представляли собой анфиладу, потому я, не позволяя себе задумываться,

бросилась в следующую залу. Дамы, что сидели там, всполошились и заохали. Новая дверь, новая комната. Короткий коридор. Я оказалась в столовой, где полицейские, поглядев на меня неодобрительно, кого-то допрашивали. Я присела в книксене, не чувствуя ног, и, будто так и надо, резко свернула в кухню. Уже там подобрала оборванную юбку, сменила шаг на бег и, лавируя меж поварихами, кипящими кастрюлями и плюющимися жиром сковородками, пробиралась все дальше и дальше. Кухня генерала Хаткевича не чета нашей, здесь было где разгуляться.

– Стойте! Задержите ее кто-нибудь! Остановитесь немедля! – кричали где-то позади, но повара, занятые работой, не торопились набрасываться на беззащитную женщину.

Здесь должна быть черная лестница! Обязана быть! В нашей квартире на Малой Морской и то она была.

Если ее здесь не окажется, то я пропала…

Глава шестая

Выход, словно свет в конце тоннеля, показался, когда я уже отчаялась его увидеть. Коридор, еще три двери по сторонам. Я в волнении толкнула первую попавшуюся – и оказалась во дворе дома на Миллионной.

Внутри, я не сомневалась, все уж были поставлены на уши относительно моего побега, но снаружи полицейские еще глядели на меня равнодушно, не подозревая, сколь опасная я преступница. Разумеется, я этим воспользовалась. На ходу поправила сбитую после бега шляпку и без суеты, но скоро и уверенно двинулась меж постройками. С любопытством оглядела карету с генеральскими гербами на дверцах – прямо среди двора хмурый кучер спокойно и со знанием дела чинил спицу на ее колесе. А я торопилась выйти к Дворцовой набережной, где наняла первого же попавшегося извозчика и без сожаления отсюда убралась…

* * *

– Кушать будете, Лидия Гавриловна? – застал меня дома обычный вопрос. – Курочка аккурат подоспела.

Я бросила на Никиту резкий взгляд и продолжила запирать дверь на все замки, всерьез опасаясь, что господин Фустов все-таки до меня доберется.

Давненько у меня не случалось подобных приключений… но, право, было неплохо.

Женя еще не вернулся. Возможно, мне следовало побеспокоиться, чтобы муж не узнал о моих авантюрах, или же переживать о Фустове, но и всю дорогу, и теперь я думала исключительно о кучере, что правил коляской Ксении Хаткевич.

Домашние генерала плакали о самой госпоже, вздыхали о ее молоденькой горничной, но никто и словом не обмолвился о кучере. Да и карета Хаткевичей совсем не похожа на пострадавшую от взрыва… Могли ли они иметь несколько выездов? Едва ли, по нынешним временам слишком уж это дорого и бессмысленно. Нет, для меня все очевиднее становилось, что молодая генеральша погибла не в домашнем экипаже. И не личный ее кучер сидел в то время на козлах, а нанятый на улице извозчик.

Отчего же в газете не писали про извозчика? Ежели он жив, то его должны были тотчас доставить в госпиталь и не забыть о том упомянуть в заметке. Ежели убит, то назвали бы вместе с женщинами.

Неужто он все-таки жив остался? А полиция умолчала о сем факте из опасений?..

– Катюша! – окликнула я девушку, что на беду свою мелькнула в просвете коридора.

Та, поглядывая исподлобья, подошла.

– Катя, вы нынче не слишком заняты?

– А я без дела не сижу, Лидия Гавриловна! Некогда сидеть-то, забот полон рот… – оскорбилась та.

Но я упрекать ее ни в чем и не думала – Катино безделье мне было на руку как никогда.

– Катюша, у меня к вам одно очень важное поручение…

– Какое еще? – насупилась та. – Коли пыль протереть в гостиной, то побойтеся Бога, Лидия Гавриловна. Воскресенье нынче! А я христианка православная, я грешить вовсе не намерена!

Катя бы и в слезы ударилась, и точно сочла бы себя святой мученицей, пострадавшей за веру, ежели б я и правда заставила ее протереть пыль. По счастью, у меня было для нее другое задание. Отправиться в ресторан «Гранд-отеля» и сделать там заказ для сегодняшнего званого ужина. Сама же я первым делом написала приглашения Степану Егоровичу и тому армейскому товарищу Ильицкого. А после, одевшись попроще, я вслед за Катей покинула дом.

В относительной близости от Дворцового моста имелось четыре госпиталя – посетить их я и торопилась. Сроду не думала становиться актрисой, но сегодня, в разговорах с сестрами в приемных покоях, и впрямь была хороша. Легка и находчива. Дотошна и серьезна. Я импровизировала, представляясь то несчастною женой, разыскивающей мужа; то дочкой, беспокоящейся о пропавшем папеньке; а то и вовсе набралась наглости, назвавшись сестрою милосердия из соседнего госпиталя. И словоохотливость откуда-то родилась: в последний раз, прежде вопроса о поступившем к ним раненом извозчике, я минут десять рассказывала своей якобы товарке, как правильно солить огурцы. По счастью, недавно прочла о том в журнале по домоводству…

Оттого печальнее мне было возвращаться домой ни с чем. Ни в один из тех госпиталей извозчиков с ранениями не поступало.

Так, значит, все-таки убит? Или полиция действительно столь тщательно прячет его от посторонних? К слову, такой ход я сочла совершенно неразумным: следовало дать в газете ложный адрес госпиталя и, ежели злодей явится туда, «взять тепленьким», как говорит Степан Егорович. Ох, как не хватало мне сейчас Степана Егоровича…

Любопытно, тот господин Фустов с напомаженной шевелюрой, который, очевидно, и возглавляет расследование, он хоть вполовину так же умен, как

Кошкин? И следует ли довериться ему, рассказав все, что я знаю? Про то, что незнакомка угрожала моему мужу, а после скрылась в доме Хаткевичей. И более того, что является она дочерью генерала от первого брака. Следовало рассказать об этом обязательно, но… не раньше, чем Ильицкий даст мне объяснения.

А муж все еще не вернулся.

Не вернулся он и к семи часам, когда его армейский товарищ, Владимир Александрович, усаживался в нашей гостиной вместе с супругою и свояченицей, а я в панике думала, чем же стану развлекать гостей, ежели впервые вижу их. Слава богу, Долли – жена – и Эллочка – ее сестра – прекрасно развлекали себя сами, со сноровкою бывалого сыщика вызнав у меня все обстоятельства наших с Женей знакомства, помолвки и свадьбы. Разумеется, те обстоятельства я самую малость приукрасила… Не начинать же вхождение в общество Петербурга со скандала?

Обе дамы оказались молоденькими и блистательными красавицами и различались лишь тем, что Долли одевалась и вела себя чуть смелее. В то время как Эллочка, подобающе воспитанной барышне, была скромницей и смотрела все больше в пол. Лишь изредка она поднимала заинтересованные взгляды на Степана Егоровича. Наверняка сестра ей заранее доложила, что на ужине будет присутствовать молодой, недурной внешне офицер. Не столь состоятельный пока что, но которого, без сомнений, ожидает блестящая карьера. Впрочем, возможно, они добыли и те сведения о моем добром друге, которыми не располагала еще ни я, ни он сам…

Как бы там ни было, полчаса пролетели незаметно – мы удивительно легко беседовали, и я в рассказах добралась уже до своей свадьбы, сама умиляясь, до чего прекрасной и возвышенной она вышла. Как раз тогда-то вернулся Ильицкий и все испортил.

Нет, Женя не сказал ничего бестактного, вел себя довольно обходительно и вежливо, но вид имел настолько пасмурный, что у всех в гостиной тотчас испортилось настроение.

– Великолепный стол, Лидия Гавриловна, – похвалил Ильицкий таким тоном, будто обругал. – Судак в сметане, жаркое из баранины, пирог с начинкой…

Неужто у нас новый повар?

Соблазн солгать был велик… Но я сказала правду:

– Это готовили в ресторане. В «Гранд-отеле», здесь совсем рядом…

– Вот как? Стало быть, вы ходили туда сделать заказ?

Соблазн снова был велик, и снова я зачем-то устояла.

– Друг мой, Владимир Александрович, – обратился тогда Женя к товарищу как будто даже весело, – сделай милость, одари советом: как следует говорить, чтобы жена тебя слушалась?

Друг Владимир Александрович расхохотался:

– Поздновато ты спохватился, Ильицкий. Смирись! Опосля женитьбы тебя в доме будет слушаться только собака. И то не всякой породы.

– Фу, какой ты грубый, Вольдемар! – игриво упрекнула Долли. – Не слушайте его, Евгений Иванович. И вы, Степан Егорович, тем более.

Она ослепительно улыбнулась Кошкину и, кажется, пихнула свою сестру, чтобы та тоже улыбнулась. Степан Егорович ответил им что-то, отчего обе дамы жеманно рассмеялись, а Женя глядел на меня через стол, поверх судака, так, что мне кусок в горло не шел.

– У вас, вероятно, такая интересная работа, Степан Егорович… – впервые обратилась к Кошкину Эллочка. – Я в жизни не видала полицейских! Только разок, в Харькове, когда Коко потерялся. Коко это мой пуделечек – господин городовой помогал мне его искать. Но вы совсем на него не похожи! – Она очаровательно покраснела. – На городового не похожи, я хотела сказать. Не на пуделечка. Впрочем, тот городовой тоже совсем не был похож на пуделечка…

Ильицкий, к его чести, даже не стал закатывать глаза, только махом допил остатки виски из бокала.

– К слову, я очень люблю собак, – покосилась на него Эллочка.

– Мы поняли, ma cherie, – погладила ее по плечу Долли. – Степан Егорович, а чем именно занимаетесь вы в городской полиции? Ведь вы не сами ловите грабителей? Это же так опасно! Une telle terreur![13 - Такой ужас! (фр.)]

– Нынче уж не сам, – вежливо улыбнулся дамам Кошкин, в то время как Ильицкий потянулся за початой бутылкой. – Не так давно я имел честь получить повышение и с тех пор все больше занимаюсь бумажными делами.

– Вот как… – не удержавшись, вздохнула я, поняв, что Степан Егорович на этот раз мне не помощник.

А Долли обрадовалась:

– И слава богу, я считаю! А что повышение – тем более хорошо.

Впрочем, ее муж как будто тоже расстроился:

– Стало быть, про это нашумевшее убийство на Дворцовом мосту вы мало что сумеете сказать?

– Увы…

– Ах, Вольдемар, отчего ты поднимаешь эту тему! C’est comme un cauchemar[14 - Это какой-то кошмар (фр.).]. Варвары, просто варвары… Бедная мадам Хаткевич. Бедные ее детки. Говорят, будто она ездила к любовнику – а как считает полиция?

– Долли! – покраснел даже ее супруг и скосил глаза на свояченицу, совершенно пунцовую.

– Ну а что такого, Вольдемар! Эллочка уж не дитя… Сам подумай: в восемь часов вечера, на каком-то мосту, а из сопровождения лишь горничная. Что вы думаете, Степан Егорович?

– Полиция как раз выясняет, куда госпожа Хаткевич ездила… – неловко ответил Кошкин.

– Да, но как вы думаете?

– Долли, душа моя, какая же разница, был любовник али нет, ежели бедняжку убили революционеры!

Кошкин нахмурился, и вечер перестал быть томным:

– С чего вы взяли? Насчет революционеров.

– Так в газетах с утра о том пишут, – запросто ответил Владимир. – Неужто не читали? Некий тайный источник им сообщил, будто это какой-то то ли «Рокот», то ли «Ропот». Народники-революционеры, короче говоря.

Кошкин излишне резко поднял на него прямой и цепкий взгляд:

– Владимир Александрович, уверяю вас, что полиция подобными сведениями не располагает. Откуда взялся сей «тайный источник», верно, одни газетчики и знают. Вы верите всему, что пишут в газетах?

– Нет, но…

– Согласитесь, Степан Егорович, что и полиции может быть еще не все известно, – на редкость мудро рассудил их Женя. – И потом, вы сами говорите, что больше волокитою бумажной теперь занимаетесь, а не расследованием непосредственно.

Кошкин пожал плечами и миролюбиво согласился.

А я меж тем изо всех сил прислушивалась к негромкому разговору дам – он мне казался куда интересней.

– Так жалко бедняжку Ксению Тарасовну, – вздыхала Долли. – В прошлом месяце мы с Вольдемаром были на вечере у Комаровых, и там были представлены графине Гарской, которая, разумеется, была приглашена в свое время на

свадьбу генерала. Так вот, говорят, он хоть и пожилой уж, генерал-то, но мужчина хоть куда. И моложавый весь из себя, и с усами! А уж в кителе-то белом… Charmant![15 - Прелестно! (фр.)] Медали во всю грудь!

Я не удержалась и все-таки спросила:

– Говорят еще, будто генерал был первым браком женат когда-то. Не слышали ли вы, Долли?

– А как же не слышать, Лиди! – с готовностью подхватила наша гостья. – Умерла бедняжка.

– Тоже умерла?

– Умерла, да не так совсем, разумеется! – Долли наклонилась к самому моему уху и страшным шепотом поведала: – Дочка родная ее в могилу загнала. Неуместным своим поведением. S’est enfuie avec l’homme![16 - Сбежала с мужчиной! (фр.)]

Глаза ее горели, Долли ждала, что я отвечу на такую восхитительную сплетню.

– О чем шепчутся наши прекрасные дамы? – вовремя поинтересовался ее муж.

– О, Вольдемар, мужчинам это не будет интересно: я рассказывала Лиди, что уже немодно, чтобы юбка книзу узкою была – чем шире, дорогуша моя, тем лучше. И рюши, рюши чтоб в три яруса! – отворачиваясь, Долли выразительно мне подмигнула.

Глава седьмая

Чай я велела Катюше подать в гостиную. Здесь в беседу о моде включилась Эллочка, и вскоре я лишилась возможности вставить хотя бы слово. Женя с Владимиром курили у раскрытого окна и неспешно вели разговор о положении дел на Балканах, где в самом разгаре был очередной конфликт. Степан же Егорович, которого ни политика, ни мода особенно не интересовали, с

любопытством изучал содержимое книжного шкафа – а полюбопытствовать там было чему.

Иные семьи в резных изящных шкафчиках за стеклом хранили дорогой фарфор, выписанные из Европы безделушки и шкатулки из натурального камня. А в последние годы еще весьма модным стало иметь вещицы в японском стиле. В нашем же доме ежели и имелись какие-то ценности, то это были книги. По сути, все, что нашла я в Жениной квартире, явившись сюда молодой хозяйкой, – это залежи пыли, вездесущий Никита с его курочкой и бесчисленные стопки книг. На столе, в шкафах, на подоконниках. Под столом, под шкафом, под подоконником. Даже после покупки вместительных стеллажей в кабинет все фолианты в них не уместились – пришлось расставлять шкафы в гостиной, спальне, а один небольшой прижился и в столовой.

– Увлекаетесь?.. – Когда я подошла, Кошкин указал взглядом в глубь книжной полки, а после как-то недоверчиво посмотрел на меня.

Я не сразу поняла отчего, а после разглядела корешок фолианта: «Государственность и анархія. Часть 2»[17 - Книга М. Бакунина, один из основополагающих трудов по теории анархизма. Написана в Цюрихе в 1873 г.], загороженный более безобидными книгами. И даже ахнула:

– Боже, нет, конечно! Право, понятия не имею, откуда это взялось…

Понятие я очень даже имела, оттого разволновалась пуще прежнего. В иные годы за подобную литературу могли и арестовать.

Кошкин поспешил успокоить:

– Не переживайте так: я из другого ведомства, мне дела нет до того, что вы или Евгений Иванович читаете. – Он улыбнулся тепло и как-то даже трогательно. И спросил: – Как ваши дела?

Весь этот вечер я долго, красочно и подробно рассказывала, как у меня дела. Однако об истинном их положении, о том, как скверно и муторно у меня на сердце, ни одной живой душе (и, кажется, даже своему мужу) поведать не смела. Но с Кошкиным я собиралась быть искренней, ибо как в воздухе нуждалась сейчас в его совете.

И главное, ему действительно было не все равно, как мои дела.

– Признаться, я весьма расстроилась, когда узнала, что не вы ведете это дело… – осторожно сказала я. – Дело Ксении Хаткевич. Мне бы весьма пригодилась ваша поддержка.

Брови моего друга предсказуемо взлетели вверх.

– Так вы… – в волнении он даже повысил голос. Осекся, торопливо взглянул на остальных и заговорил тише: – Так вы не из праздного любопытства спрашивали о первой жене генерала? Вы взялись за расследование? Снова с подачи Шувалова?

– Тише! – взмолилась я. – Нет, граф Шувалов здесь ни при чем. И за расследование в полной мере я браться не собираюсь. – Тогда я действительно еще в это верила. – Мне лишь надобно прояснить некоторые обстоятельства… считайте это праздным любопытством, если вам угодно.

Кошкин хмурился и был мною очень недоволен:

– Право, вам стоит найти более безобидное применение вашему любопытству. Это не просто семейное убийство из-за какого-нибудь наследства. Это революционеры, политика!

– Но вы это отрицали только что, за столом…

– Начальство из управления дало приказ не поднимать шумихи покамест и все отрицать… Вы же понимаете, что начнется в столице, ежели это и правда революционеры? Ведь с какой помпой мы заявили два года назад, что последний из них казнен и отныне с революционными настроениями в государстве покончено навсегда. А какой резонанс это вызовет в обществе! И снова, снова начнет буйствовать жандармерия, утихнувшая едва-едва, снова всех кого ни попадя станут таскать на допросы, снова за это, – он мотнул головой в сторону книжного шкафа, – можно будет загреметь в ссылку.

– Так, может, это и правильно? – с сомнением спросила я.

Кошкин тотчас кивнул:

– Правильно. Ежели за убийством генеральши стоят именно революционеры. Но… – он помялся, – чиновник из канцелярии градоначальника, что выдвинут на это дело, ясно дал понять, что есть основания в этом сомневаться. Мы говорили вот только что, часа три назад.

– Вы говорили с Фустовым? – уточнила я.

Кошкин внимательно на меня поглядел:

– Вы никогда не перестанете меня удивлять, Лидия Гавриловна. Откуда вы знаете Фустова?

Я вздохнула:

– В том-то и беда, Степан Егорович, что я совсем его не знаю. Вам бы я доверилась, но понятия не имею, стоит ли с господином Фустовым делиться хотя бы частью того, что я разведала.

– Ежели вас интересует мое мнение, то сыщик он толковый, – ничуть не раздумывая, отозвался Кошкин. – Находчивый, образованный весьма и весьма. Учился, представьте себе, в Сорбонне. Из благородных. Высокомерный, правда, излишне: за полгода в Петербурге близких знакомств, насколько знаю, так ни с кем и не свел. Сторонится всех. Впрочем, от приглашений начальства не отказывается. И со взятками, знаете ли, борется со всей страстностью… Поссорился, говорят, с роднею, оттого в полицию и пошел после своей Сорбонны. Назло им, что ли… Сам черт в их мудреных нравах ногу сломит.

– И все же вы неплохо его знаете, – заметила я.

– Это оттого, что мы оба на службу в Петербург всего с полгода назад перевелись и на первых порах он тоже в городской полиции устроился. В одних коридорах, можно сказать, толклись и здоровались, ясное дело, каждое утро. Но дружбы меж нами нет, Лидия Гавриловна, не рассчитывайте.

Я горячо поблагодарила Степана Егоровича. А после вышла, чтобы принести из спальни книгу, должную вернуть. И не переставая думала о Фустове: дворянского рода, учился в Сорбонне, поссорился с родными и устроился в полиции… Весьма любопытная биография. Вспомнила и хорошее лицо с внимательными глазами. А возвращаясь в гостиную, уже точно знала, что рискну довериться этому господину. Была не была.

Однако мысли о расследовании пришлось оставить, ибо я успела к самому разгару очередного спора.

– Бросьте, Степан Егорович, – вяло отмахнулся мой супруг на какую-то реплику Кошкина, – вы сами знаете, что это были революционеры.

– А ежели все-таки не они? – проявляя чудеса выдержки, ровно ответил тот.

– А ежели это не они – вдруг! – то убийства, ими совершенные, возобновятся в самом ближайшем времени. Революционеры не остановятся, покуда жив хотя бы один из них. Это и младенцам понятно. А власти миндальничают и, вместо того чтобы вешать как собак, внимают письмам женушек и маменек да заменяют казнь ссылками!

Кошкин глядел хмуро, краснел от возмущения и несогласия, а на последнем утверждении все-таки не выдержал:

– Позвольте, Евгений Иванович, но властей и жандармерию обвинять в мягкости – это уж слишком… Виновные в убийстве императора были найдены тогда в течение месяца! И казнены через повешение. Все! А за последующие два года точно так же казнены и более-менее видные деятели «Народной воли». Да и прочие, лишь едва связанные с сей организацией, арестованы и отправлены в ссылку.

– Ну-ну, казнены… Вам напомнить, как эту ненормальную, Веру Засулич, отпустили на все четыре стороны в зале суда? После того, как она при свидетелях стреляла в Трепова!

– То было в семьдесят восьмом, до убийства императора… И потом, Трепов все-таки выжил, – отвечал теперь Кошкин не очень уверенно.

– Вот то-то и оно! Чтобы наши власти начали шевелиться, непременно сперва нужно кого-то убить!

– Ах, господа, прошу, не будем о политике… – взмолилась Долли, ибо беседа давно уже перестала быть пустой светской болтовней.

– …А ссылки эти – смех, да и только, – не слушая нашу гостью, продолжал Ильицкий в запале, – им в ссылках живется сытнее и вольготнее, чем нам с вами в столице. Переписка с европейскими революционерами для обмена опытом? Пожалуйста, сколько угодно – стоит лишь проявить фантазию! Писание этих их мемуаров с последующей пересылкой сюда, в Петербург? Опять же сколько угодно! И те мемуары читают здесь с большим любопытством, смею вам заметить, Степан Егорович! А лет через пятнадцать – двадцать эти деятели выйдут на свободу и всем скопом вернутся в столицу. Совсем еще не старые и ни черта, кроме как мутить воду да делать бомбы, не умеющие. И они обязательно найдут себе последователей здесь – среди тех, кто на их мемуарах вырос! Как вы думаете, Степан Егорович, за кем тогда будет сила? За нами или за ними?! – он неопределенно мотнул головой куда-то за окно.

Кошкин ничего не ответил, смутился. А Владимир Александрович как-то невесело хмыкнул:

– Ежели сила за ними, то, выходит, и Россия уже они. А не мы. И стоит ли нам вмешиваться в дела их России?

Ильицкий метнул на него бешеный взгляд:

– Россия не будет их. Никогда! Я скорее сдохну, чем это допущу!

Владимир снова хмыкнул, еще менее весело, и дружески потрепал Ильицкого по плечу.

– Пойдем, Вольдемар, пойдем… – тянула его за рукав супруга. – Эллочка, поторопись! Поздно уже, а нам еще до Итальянской добираться… Благодарствуем, Лидия Гавриловна, за угощение.

Долли, взволнованная столь радикальными речами, теперь настойчиво подталкивала супруга к выходу, сама накинула на плечи узорчатую розовую ротонду, сконфуженно попрощалась и с удовольствием вышла вон.

* * *

Не стал задерживаться на вторую чашку чаю и Степан Егорович, вскоре отбыв за остальными. Да и мне в этот раз отчего-то было неловко оставаться с мужем с глазу на глаз… Не дожидаясь Кати, я сама взялась собирать на поднос пустые чайные чашки. А мысли были лишь об одном. Право, я всяким уже видела Женю и полагала, что удивить он меня не сможет, но…

– Позволь, ты серьезно это? – с чайной парой в руках я повернулась к нему, не донеся ее до стола. – Про «вешать как собак». Ты в самом деле так думаешь?

И по лицу его увидела – в самом деле.

– Ты знаешь, сколько лет было Ксении Хаткевич? – спросил он.

Подошел, прожигая меня черными глазами. И сам ответил:

– Двадцать один год. Немногим больше, чем тебе. У нее осталось двое маленьких детей – детей, у которых больше нет матери. Была – и нет.

Я смутилась, попыталась снова заняться посудой, чтобы уйти от разговора, но Ильицкий не дал отвести мне взгляд – поднял мое лицо за подбородок и заставил смотреть ему в глаза.

– И можешь ли ты хоть на долю мгновения представить, что чувствует сейчас ее муж? – Я слабо качнула головой. – А что стану чувствовать я, если потеряю тебя? Почему ты никогда не слушаешь меня? Хочешь, чтобы я запер тебя дома? Увез в глухую деревню? Я сделаю это, клянусь.

Я аккуратно поставила чашку на стол и отвела его руку. А после качнулась к нему – обняла и уткнулась лицом в напряженную, одеревеневшую шею. Обняла так крепко, как только могла. Но на душе потеплело, лишь когда Женя сам прижал меня к себе. Будто оттаял.

– Лида, я не могу тебя потерять, пойми. Я слишком долго тебя искал, чтобы потерять.

– Если ты меня запрешь, то потеряешь гораздо скорее, – ответила я серьезно. – Ты выбрал не ту смолянку, раз хотел послушную жену. Прости, что я такая.

Он не ответил.

Ладони Жени жадно скользили по моей спине, поднимались вверх, чтобы зарыться в волосы, и выбираться из сладкого их плена вовсе не хотелось. Но я сочла, что именно сейчас время признаться.

– Ты знаешь… – снова заговорила я, – с того часа, как эта девица, незнакомка, постучала в нашу дверь, мой ум впервые, кажется, со дня свадьбы начал работать в полную силу. Я очень соскучилась по этому ощущению.

Женя отстранился и с немым вопросом посмотрел мне в глаза. Я и сама не верила, что вот так запросто это говорю. Да и себе самой я как будто признавалась впервые.

– И я солгала тебе… я выходила из дому не для того, чтобы сделать заказ в ресторане. Я ездила на Миллионную, в дом генерала Хаткевича.

– Та-а-ак…

Женя, кажется, не мог подобрать слов. Отошел на шаг и глядел на меня, словно уже размышлял, в какой бы монастырь меня упрятать. На мое счастье, в гостиную, как всегда вовремя, вошла Катя и не торопясь начала собирать посуду.

– Пойдем.

Женя не очень ласково взял меня за руку и повел прочь. В кабинет, где, как и прошлой ночью, усадил меня в кресло у стола. Потом он вернулся к двери, чтобы запереть ее на щеколду, не позволив больше Катюше спасать меня. Оперся спиною о стену и, скрестив руки на груди, принялся напряженно смотреть мне в глаза.

Разговор обещал быть серьезным.

Глава восьмая

– Ты еще вчера называла эту фамилию – Хаткевич, да я значения не придал… Почему они? Ты знакома с этой семьею? Что ты знаешь?

Женя так и не отвел взгляда, даже не моргнул ни разу. По-видимому, это и впрямь было важно. Наверное, и хорошо, что он сам начал сей разговор.

– Сядь, – велела я. Как ни странно, Ильицкий послушался, начав устраиваться в кресле по ту сторону стола. – Сперва я расскажу все, что знаю, а после – ты. Договорились?

Он ответил не слишком поспешно, раздумывал. Но все-таки кивнул:

– Договорились.

– Я не сказала тебе, но вчера эта дама – незнакомка – снова была здесь. – Я поерзала, устраиваясь удобней. – А после, когда она уехала на извозчике, я за нею проследила. Она скрылась в доме генерала Хаткевича.

– И ты подумала, что она его жена? – от меня не укрылся скепсис в его тоне.

– Да, я так подумала, – ответила я ровно. – Но когда сегодня побывала в том доме второй раз и услышала разговоры горничных, поняла, что ошиблась. Я не стану теперь утверждать наверняка, но, вероятнее всего, та девица – это дочь генерала от первого брака. Там некая темная история… Женя, я склонна согласиться со Степаном Егоровичем, что взрыв на Дворцовом мосту – это не революционеры. Я не могу объяснить словами, но чувствую, что к убийству генеральши эта дама имеет самое прямое отношение.

Надо отдать ему должное, Ильицкий выслушал меня, не перебив ни разу. Не стремился разубедить, возразить, настоять на своем. Лишь когда я замолчала,

заметил:

– Если и имеет, то полиция, без сомнений, разберется.

И замечание было мудрым, не поспоришь.

– Наверное, – согласилась я, – но ведь в полиции даже не знают о ней! О незнакомке. Не знают, что она была у нас, что разыскивала тебя… – Взгляд любимых черных глаз стал еще более напряженным, и я поспешила оговориться: – Об этом, положим, можно и не упоминать, но полиция не осведомлена даже, что она была в доме генерала тем утром! Горничные о том умолчали, представь себе! А ведь это важно. Полиция должна узнать!

– Узнает, – пожал плечами Женя. – Или ты считаешь, там сплошь дураки собрались и без твоих замечаний не сообразят, что к чему?

Червячок сомнений все более подтачивал мою самоуверенность – я задумалась. Фустов точно не дурак. Может, он уже был осведомлен, что незнакомка была в доме в то утро, оттого и не спросил горничных?

А Ильицкий постарался закрепить сделанное:

– Насколько знаю, расследование возглавляет весьма толковый чиновник. Он выяснит все про эту незнакомку – дочь генерала. И вероятнее всего, также узнает, что она была здесь и писала мне записки.

Я вскинула на Женю испуганный взгляд, но муж поспешил успокоить:

– Не переживай. Ежели полицейские придут сюда и спросят – ты должна рассказать им все как есть. Чистую правду, без прикрас. Ей-богу, мне нечего скрывать. – Женя не улыбнулся. Выждал немного, пока я усвою сказанное, и спросил: – Ну? Теперь я смею надеяться, что ты успокоилась и более не станешь вспоминать об этой генеральской дочке и ее записках?

«Так уж и нечего скрывать? – размышляла я, прищурившись и вглядываясь в черные глаза. – И “Государственность и анархию. Часть 2”, спрятанную на дальней полке, тоже? “Часть 1”, надо полагать, хранится в вечно запертом

несгораемом шкафу справа от стола».

– Непременно успокоюсь, Женя, – миролюбиво ответила я. – Но не раньше, чем и ты скажешь мне правду.

Я выждала, но на его лице не дрогнул ни один мускул.

– Куда ты ездил с утра?

Он вздохнул:

– Видишь ли, я тоже солгал тебе. Я знаком с генералом Хаткевичем. Много лет, еще по кампании на Балканах. И немного знаком с его женою, Ксенией. Обедал у них пару раз этой зимой. Так вот, едва я прочел ту заметку утром – помчался к Хаткевичу, чтобы принести соболезнования. Мы говорили с ним вот только накануне. Я должен был к нему поехать.

– На Миллионную? Ты тоже был там?..

– Нет. Я знал, что застану Хаткевича только в Генштабе – он сейчас много работает.

Спрашивать, над чем именно работает генерал и о чем Ильицкий, давно оставивший военную карьеру, «накануне» говорил с ним, мне очень не хотелось. Потому что ответ я, кажется, знала. Наверное, я знала его всегда – лишь позволила себе на время поверить, что у нас с Женей может быть все хорошо и правильно. Как у всех. Что я смогу стать просто радушной хозяйкой дома, где всегда рады гостям, а он – просто преподавателем истории.

Неужели я всерьез в это верила? С нашим-то прошлым?

– Женя, я спрошу у тебя еще лишь одно – и более никогда не вернусь к этой теме. Кто твой новый начальник? Я не про университет. – Он шумно выдохнул, а я потянулась через стол, чтобы найти его руку. – Пожалуйста, скажи, что не Якимов?

И по глазам поняла, что угадала.

– Он не начальник мне, а куратор. Отчего он тебе не нравится? Разве он сделал что-то дурное?

– Нет, не сделал… – с сомнением ответила я.

– Я помню, что вы не очень поладили тогда, в Москве. Но Якимов, каким бы человеком он ни был, ярый патриот. Монархист. Все, что он делает, – он делает на благо государства.

– Я помню, – торопливо кивнула я.

– Лишь потому я и с ним, что здесь наши взгляды совпадают.

Я снова кивнула. Мне требовалось время, чтобы с этим смириться. Много времени. Нужно было сменить тему – я не хотела говорить о Якимове сейчас.

– Женя, постой… – перебила я мужа, не дав сказать еще что-то замечательное о его кураторе, – эта девушка, незнакомка с родинкой – кто она? Что ей от тебя было нужно?

Он снова вздохнул. А потом с бесконечной усталостью ответил:

– Никто. Вообще никто. Она совершенно случайная девица, по глупости собственной влезшая в неженское дело. Она никому не нужна и не интересна. Если усидит тихо и не будет высовываться, то даже останется жива.

Признаться, я похолодела после Жениных слов. Сам он не стал бы угрожать женщине – ни за что. Но ежели за всем этим стоит Якимов… кем бы незнакомка ни была и в чем бы ни провинилась – высовываться ей и впрямь нельзя.

* * *

Несколькими неделями позже, в доме предварительного заключения на Шпалерной улице

Половину ночи я лежала без сна, жадно всматриваясь в темноту перед глазами и готовая вскочить при всяком постороннем звуке. Ничего, чем можно защититься, у меня не было. Даже ложку, припасенную с обеда, велели вернуть. Можно ли защититься ложкой? Не хотелось бы мне это узнать… Неловко признавать, но я боялась этих женщин, запертых со мною в каменном мешке дома предварительного заключения – так называлось это место. Я гордо держала голову, уверенно и прямо смотрела им в глаза и вежливо-отстраненно отвечала, ежели спрашивали. Но как же я при этом боялась…

Когда рядом скрипнули старые дощатые лавки – здесь они назывались нарами, – я тотчас проснулась. Оказалось, что я все-таки задремала уже перед рассветом. Сразу без промедлений поднялась и закуталась в соболью накидку, заменившую мне ночью подушку: душная днем, за ночь камера вымерзла, будто мы находились в погребе.

Огляделась. Соседок теперь уж было пятеро – от новеньких разило перегаром, они шутили меж собою и плескались в тазу, бывшим нам купальней. Я к тому тазу подойти пока не рисковала.

А умыться хотелось… еще больше хотелось ванну с душистым мылом и Женин кофе с baiser. Но уж не до жиру.

Вода в тазу оказалась чище, чем я думала.

После я осмелела настолько, что встала с ногами на нары и забралась на каменный выступ у стены, как делали иногда мои соседки, – и тогда лица моего коснулся свежий ветерок из зарешеченного окна. До чего же сладким и по-особенному милым сердцу казался сейчас студеный петербургский воздух. Ежели закрыть глаза, то можно представить даже, что я стою на балконе нашей квартиры на Малой Морской, а внизу шумит по-утреннему оживленная улица…

– Эй! Маруся! – меня грубо дернули за подол юбки и издевательски выговорили имя, догадавшись уж, что мне оно не принадлежит. – Кличут тебя вон.

Сперва я испугалась намерению тюремного караульного куда-то меня увести, но в следующий миг сердце радостно забилось: Женя! Возможно, скоро я его увижу!

По сырому, плохо освещенному коридору я не шла, а бежала, даже не мешали наручники. Я не питала иллюзий, что меня выпустят отсюда тотчас, но, по крайней мере, я увижу его и обниму. И пускай хоть одна живая душа попробует мне помешать!

Меня привели в кабинет начальника дома предварительного заключения – такой же сырой и темный, как камера, разве что обставленный не в пример лучше. И надежды рухнули в один миг: у открытого окна, спиною к улице, стоял господин Якимов. Я отшатнулась назад, не удержавшись. Он снисходительно улыбнулся.

– Снимите с дамы наручники, – велел он, и надзиратель подчинился. А после вышел, оставив нас вдвоем.

Лев Кириллович Якимов – подтянутый господин возрастом около пятидесяти лет, моложавый и тщательно одетый, с острым взглядом умных серых глаз. На правую ногу он немного прихрамывал. Якимов имел мировую известность как профессор Николаевской академии Генерального штаба, специалист по математике, автор нескольких монографий и завсегдатай научных слетов. Очень немногие осведомлены, что главной целью его поездок было противодействие иностранным шпионам в Российской империи. И еще меньше народу догадывалось, сколь сильна его вражда с моим дядюшкой, Платоном Алексеевичем. И какие глубоко личные причины лежат в основе ее. Помимо того очевидного, что дядюшка и господин Якимов излишне часто сталкиваются по работе, не в силах разграничить сферы деятельности.

– Рад видеть вас в добром здравии, Лидия Гавриловна. Как спалось? – поинтересовался он.

Я жгла его взглядом, не в силах сделать большее. Ответила резко:

– В любом случае лучше, чем вам. «И мальчики кровавые в глазах… И рад бежать, да некуда… ужасно! Да, жалок тот, в ком совесть нечиста»[18 - Пушкин А. С. Борис Годунов.].

Он улыбнулся невесело:

– Все-таки освоили русскую литературу? И намерены шутить. А мне вот не до шуток. Да и не спал я вовсе – дела.

Испуг мой уже прошел, теперь я изо всех сил пыталась подавить в себе горячую ненависть к этому человеку. Дядюшка часто повторял, что сильные чувства мешают мыслить здраво. И был прав.

Якимов обратился ко мне снова:

– Мы не договорили в прошлый раз, Лидия Гавриловна, потому что вам вздумалось упасть в обморок. Как видите, это вам не помогло…

– Мы и не станем договаривать, покуда я не увижусь с Платоном Алексеевичем, – ответила я ровно.

– Вы с ним увидитесь, обещаю. Покамест его сиятельство в отъезде, но лишь как вернется – непременно. Только ваш дядюшка не сможет помочь вам на этот раз. Слишком уж сильно влипли, голубушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Русская ненормативная лексика (фр.). Здесь и далее прим. автора.

2

Зона, тюрьма (жарг.).

3

Дети, кухня, церковь, наряды (нем.) – расхожее выражение, приписываемое кайзеру Вильгельму II Гогенцоллерну и определяющее круг интересов женщины того времени.

4

Многоквартирный жилой дом, построенный для сдачи квартир в аренду.

5

На Миллионной улице в Петербурге обычно селились представители аристократии или же очень богатые люди.

6

У швейцаров, служивших в аристократических домах, на тулье всегда изображалась зубчатая корона. По числу зубцов можно было узнать, какой титул у хозяина.

7

Абсурд (фр.).

8

Оба – участники тайного революционного общества – народнической организации «Земля и воля», просуществовавшей до 1879 г., когда Соловьев был казнен.

9

Практика (фр.).

10

Имена существительные и глаголы (фр.).

11

«Народная воля» – революционная народническая организация, возникшая в 1879 г. после раскола организации «Земля и воля». Поставила основной целью принуждение правительства к демократическим реформам, после которых можно было бы проводить борьбу за социальное преобразование общества. Одним из основных методов политической борьбы «Народной воли» стал террор.

12

В Санкт-Петербурге и других крупных городах градоначальник (прежде обер-полицмейстер) имел также функции начальника полиции города.

13

Такой ужас! (фр.)

14

Это какой-то кошмар (фр.).

15

Прелестно! (фр.)

16

Сбежала с мужчиной! (фр.)

17

Книга М. Бакунина, один из основополагающих трудов по теории анархизма. Написана в Цюрихе в 1873 г.

18

Пушкин А. С. Борис Годунов.

Купить: https://tellnovel.com/ru/loginova_anastasiya/neznakomka-s-rodinkoy-na-scheke

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить